

МАСШТАБ

КОГДА РАЗМЕР ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

A man with a beard and long hair, wearing a striped shirt and suspenders, is sitting at a desk. He has his hand to his chin in a thoughtful pose. The scene is viewed through a magnifying glass with a gold frame and a dark wooden handle. The background is a dimly lit room with a lamp and some papers on the desk.

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Метафантастика Марины и Сергея Дяченко

Марина и Сергей Дяченко

Масштаб

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дяченко М.

Масштаб / М. Дяченко — «Эксмо», 2022 — (Метафантастика Марины и Сергея Дяченко)

ISBN 978-5-04-166573-9

Супруги Дяченко – родились в Киеве, писатели-соавторы, сценаристы, лауреаты более ста литературных премий. Живут ныне в США, пишут на русском языке в жанрах современной научной фантастики, фэнтези и сказки. Их книги переведены и издаются в Америке, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Бразилии, Китае и других странах. Лео и Эльза вместе расследуют политически значимые убийства. От того, как быстро и точно сработают напарники, зависит будущее их стран: в любой момент может начаться война на полное уничтожение. Конфликтую и притираясь друг к другу, Лео и Эльза решают детективные головоломки. Вместо отчужденности между ними возникает притяжение, которому невозможно сопротивляться. Но как быть, если Эльза ростом с многоэтажный дом, а Лео помещается у нее на ладони?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166573-9

© Дяченко М., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Масштаб	6
Часть первая. Убийство в посольстве	6
Часть вторая. Кукольная трагедия	33
Глава первая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марина Дяченко, Сергей Дяченко

Масштаб

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Масштаб

Роман в повестях

Часть первая. Убийство в посольстве

Он чувствовал себя животным в переноске. Кабину несли вручную – в нарушение всех инструкций. Пол раскачивался в такт шагам носильщика, и от этой медленной качки подступала морская болезнь.

Салон без окон, обшитый звукоизолирующим материалом. Большой экран на передней стенке. Четыре мягких кресла, но Лео в салоне один. Здесь просторно и даже уютно, если не знать, как эта коробка выглядит снаружи, не знать об «аварийной ручке», привинченной к потолку. Предполагалось, что ручкой не будут пользоваться – но этот, снаружи, ухватился и тащит, будто корзину с рынка, демонстративно наплевав на правила и на пассажира.

– Я требую соблюдения протокола, – сказал Лео в микрофон ноутбука. – Используйте транспортную платформу для перемещения кабины! Немедленно!

Снаружи прозвучал низкий рев, переходящий в инфразвук. Динамики воспроизвели голос в нормальном звучании.

– Чуть-плюнь потяни, детектив. Тута почти уже.

Звукоизоляция помогала, как пластырь при поносе. Этот, снаружи, говорил на местном простонародном диалекте, который был в принципе понятен, но звучал как издевательство.

Лео торчал в кабине третий час. Он перебрался сюда из самолета, через гофрированный рукав, и его заверили, что скоро он будет на месте. Но время шло, кабину куда-то везли, и Лео чувствовал каждый поворот, как выход в невесомость. Он обрадовался, когда поездка закончилась, но тут уже носильщик бесцеремонно взялся за аварийную ручку, и Лео, конечно, будет жаловаться, но кому? Кого здесь интересует его удобство?!

Кабина устремилась вниз, будто падающий лифт, вздрогнула и замерла. Лео выдохнул сквозь зубы.

Сегодня утром он проснулся в отличном настроении: дело, которым он жил последние полгода, наконец-то завершилось. Суд принял во внимание все собранные улики. Женщина, обвиненная ложно, была полностью оправдана, прокурор выдал ордер на арест настоящего убийцы. Лео подал заявление об отпуске, шеф тут же подписал и с непривычным дружелюбием осведомился о планах на отдых. Лео пожал плечами: такие вещи он заранее не планировал. Полежать в постели, глядя в потолок, потом пробежать десять километров – с перерывами, потом сесть у компьютера, открыть сайт путешествий, поставить рядом чашечку кофе...

Он выпил кофе до половины, когда шеф перезвонил ему, и голос звучал так, что Лео чуть не залил клавиатуру: погиб посол в Альтагоре. По всей видимости, убийство.

– Вы понимаете, что это значит?! Не просто дипломатический скандал, а... Мир висит на волоске! Наши жизни зависят от того, как скоро преступление будет раскрыто! Убийцу надо вычислить немедленно и предоставить доказательства не только действий, но и мотиваций, да так, чтобы никто не посмел оспорить!

– Почему я?! – спросил тогда Лео, и ответ ошеломил его.

– Они запрашивают вас.

И вот теперь он сидел в кабине-переноске, и от низкого воя тряслись обитые пробкой стены – этот, снаружи, понятия не имел, как приглушать голос, а может быть, хотел нарочно досадить чужаку.

– Детектив. – Механический голос в динамиках прозвучал бархатно, будто пытаюсь интонацией извиниться за оригинал. – Тута! Вот посольство!

* * *

Трехэтажный особняк, добротный и даже величественный, был окружен палисадником. Кроме посла тут жили секретарь, повариха и менеджер, причем обслуживающий персонал работал вахтенным методом – по несколько месяцев. В Альтагоре сложные условия труда – не столько физически, сколько психологически.

Лео преодолел секундную дрожь в коленях, открывая дверь кабины, спускаясь по короткому трапу, шагая через палисадник к особняку. У самого порога он остановился, перевел дыхание и заставил себя оглядеться.

Он заранее знал, как устроено это место, но никакое воображение не могло заменить увиденного своими глазами. Особняк с территорией и рекреационной зоной находился внутри другого пространства – огромной пустынной комнаты с белыми стенами, комнаты совсем иного масштаба. Здание посольства было похоже на кукольный дом в углу просторной, лишенной мебели детской.

Единственное окно здесь было высотой с десятиэтажку. Вместо неба нависал потолок, страшно высокий – и в то же время оскорбительно низкий, давящий на подсознание. Сопровождающий, точнее, носильщик, который притащил сюда Лео, стоял у двери, в дальнем углу белой комнаты, хотя по инструкции уже должен был выйти. От великана воняло потным животным – и резким химическим духом, вероятно, так здесь представляют одеколон. Обширное брюхо казалось дирижаблем, а подбородок – ноздреватой и волосатой скалой. Великан поднял огромную руку и помахал так, что Лео ощутил ветер на своем лице; великан был добродушен. Лео, скрипнув зубами, изобразил ответный жест. Проглотил горькую слюну, прижал к боку компьютер, другой рукой подхватил чемодан и поднялся на порог.

Дверь распахнулась раньше, чем он успел постучать.

– Господин детектив, наконец-то... добро пожаловать...

На пороге стоял секретарь посольства – Лео успел ознакомиться с его досье. Сорок лет, семейный, ответственный человек, отличные характеристики по работе. Бледен, явно растерян, смотрит на Лео как тяжелый пациент на доктора-светило.

– Нам объявили, что посольство эвакуируют, но только после расследования. Нам отрезали связь... оставив только официальный посольский канал... Мы не можем утешить наших близких, они же дома с ума сходят... В первые минуты мы думали, что началась война!

– Может, как раз и начнется, – успокоил его Лео. – Не торопите события.

Схему особняка он тоже успел просмотреть по дороге: просторный холл, широкая лестница, ведущая на второй этаж, – здание было спроектировано для приемов. Предполагалось, что нарядная толпа станет подниматься по этим ступенькам, а наверху будет маячить посол в черном смокинге, здороваться за руку, обмениваться приветствиями, и все это под негромкую музыку и звон бокалов...

Никогда здесь не будет веселой толпы. И не потому, что хозяин особняка мертв. А просто граждане Альтагоры много выше этого дома, и, чтобы приобщиться к веселью, им пришлось бы становиться на четвереньки и заглядывать в окна – одним глазом, прищурив другой...

– Мы отказались давать показания, – быстро говорил секретарь. – Она хотела нас допрашивать. Явилась сюда, эта великанша... мы заперлись... готовились к силовому варианту. Ей достаточно один раз пнуть по дому ногой, чтобы... вы понимаете. Хорошо, что связались наши дипслужбы... как-то утихомирили ее. Но она обязательно еще придет!

В кухне пахло выпечкой. Повариха, спортивная женщина лет тридцати, вытерла руки бумажной салфеткой.

– Господин детектив... Да, я пеку пирожки. А что еще делать? Мы все пытаемся чем-то себя занять. Сделать вид, что жизнь продолжается... Извините.

Менеджер, печальный и слегка опухший, сидел в глубоком кресле в комнате отдыха персонала. Бутылку он к приходу Лео спрятал, но запах спрятать не мог.

– С-спасибо, что вы прибыли... Посол наверху, мы ничего не трогали... Что теперь будет?!

– Я прошу вас, сограждане, – официальным голосом сказал Лео, – оставаться на местах и по возможности соблюдать спокойствие. Ситуация объективно сложная, а может быть – хуже. Приготовьтесь.

Повариха нервно улыбнулась. Менеджер громко высморкался. Секретарь посмотрел на Лео с горькой обидой, как если бы доктор-светило оказался шарлатаном.

* * *

Кто такой посол на Альтагоре? Человек, занимающий декоративную должность. И еще он заложник. В условиях вечного кризиса отношений двух стран – никаких метафор. Заложник – тот, кого убьют, если договор о непричинении вреда, заключенный между Ортлендом и Альтагорой, будет нарушен.

Андерс Плот, тридцати шести лет, неженатый, выпускник юридической академии, лежал на полу в посольском кабинете, лицом вниз. На нем был черный смокинг – именно такой, как представлял себе Лео, воображая очередь гостей на парадной лестнице.

Посол был единственным человеком в особняке, кто выбирался отсюда во внешний мир. В этом заключалась его работа. Надев официальный костюм, он шел на дипломатический прием, либо на торжественный обед, либо на концерт – и часами находился среди великанов, занимая специально приготовленное кресло, улыбаясь и сохраняя достоинство, что чрезвычайно сложно, когда все вокруг ростом с башню и говорят почти инфразвуком.

Лео склонился над мертвым послом. В ушах покойного помещались наушники-вкладыши: бедняга не успел вынуть их, вернувшись в особняк. Наушники – слабое подспорье, потому что низкие голоса великанов проникают сквозь тело, заставляя вибрировать мягкие ткани и кости. Лео содрогнулся.

Его ноутбук пискнул, фиксируя входной сигнал. Вызов, который нельзя отклонить, и очень некстати. Лео ничего еще не понял в этой комнате и тем более ничего не решил.

Звонок повторился. Лео вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь, и сел на ступеньку мраморной лестницы для приемов.

– Здесь Лео Парсель, я слушаю.

– С прибытием, – сказал женский голос по ту сторону связи. Осветился экран, Лео увидел сперва уголок рта, уехавший вниз, потом она отодвинулась от камеры: круглое лицо с большими скулами, волосы цвета соломы, саркастические злые глаза. – Мне нужно от вас немедленное согласие на изъятие тела из посольского особняка.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал Лео.

Женщина хмыкнула:

– Может, жопу показать?

– Не стоит. – Лео вздохнул. – Представиться – гораздо информативнее.

Сейчас они были с ней в одном масштабе: виртуальная связь их уравнивала. Ноутбук Лео удобно лежал у него на коленях, клавиатура великанши вместила бы спортивную площадку. В двух устройствах использовались разные технологии, но функция была единой – коммуникация. Где-то там, в другом помещении, воздух ревет и сотрясается от ее голоса, от огромного тела несет животным мускусом и химическим парфюмом, но здесь, на экране, она говорит по-

человечески и похожа на человека. Настолько похожа, что Лео даже задумался, а узнал бы он по фотографии, что перед ним великанша?

Узнал бы, разумеется. По тончайшим деталям пропорций: скулы, губы. Еще проще определять в профиль – линия подбородка...

– Меня зовут Эльза Бауэр, – медленно сказала великанша. – Я майор сыскной службы Министерства обороны Альтагоры, и я веду расследование об убийстве посла. И если дело не будет раскрыто за двадцать четыре часа, договором о непричинении можно будет подтереться.

– Но это же прекрасно, – сказал Лео. – Война! Мы узнаем, как славно трещат наши дома, когда по ним топчутся в кованых сапогах. Один раз хорошо топнуть – и нет десятка таких, как я. А вы узнаете, правда или нет, что запрещенное биологическое оружие на самом деле не очень-то запрещенное.

– Ты сумасшедший? – спросила она после короткой паузы.

– Интересно, – сказал он задумчиво, – кому я здесь понадобился, я ведь далек от дипломатии и международных отношений. Я просто детектив. Кто надоумил ваше правительство призвать меня?!

– Я надоумила. – Она уставилась на него сквозь экран. – Дальше что?!

* * *

Его трижды приглашали преподавать в полицейскую академию, и один раз он почти согласился, и даже провел пробное занятие. По итогам его слушатели были озадачены, а сам Лео ощутил себя сороконожкой, затеявшей урок танцев. Как этот дурак может раскрывать дела, спрашивали студенты друг друга в социальных сетях. Он же не видит логической связи между болтом и гайкой!

Лео не умел объяснить им – и никому, впрочем, – откуда в его голове берутся гипотезы и на чем строятся умозаключения. Его сознание было чем-то вроде котла, куда следует загрузить информацию обязательно сырой, очищенной от всяких предварительных интерпретаций, потом выждать время, ничего не делая, потом открыть крышку и вытащить готовый продукт. Когда в прошлом году к нему явился журналист и предложил написать книгу в соавторстве, Лео честно признался, что в последний раз писал художественный текст на выпускном экзамене в средней школе, и этот опус едва не стоил ему аттестата.

Журналист оказался настойчивым, в какой-то момент Лео решил, что проще дать согласие, чем объяснять, почему затея обречена на провал. Он потратил несколько часов, отвечая на вопросы журналиста, передал ему архив рассекреченных старых дел и тут же обо всем забыл.

Каково же было удивление Лео, когда через полгода он обнаружил себя на презентации, а свое имя на обложке. Со страниц отлично изданной, чуть пахнувшей типографией книги на Лео глядел незнакомый человек, литературный персонаж, чья способность распутывать сложнейшие дела строилась на безупречной логике, а острый аналитический ум искал развлечений в постоянных парадоксах. Зачем-то журналист приписал своему герою любовь к шахматам – это была часть образа, как и вечно начищенные ботинки, как и походы в филармонию каждую неделю.

Книга имела оглушительный успех. Избыточная авторская фантазия спасла Лео от лишнего внимания: никто из благодарных читателей не мог узнать в блестящем герое прототипа, который вместо тужурки носил тряпичные кроссовки, ненавидел шахматы с детства и давно забыл, где находится филармония. Тем не менее выдуманного детектива тоже звали Лео Парсель, и совпадение имен рано или поздно должно было сыграть с ним злую шутку.

Вот и сыграло.

– То есть ты хочешь сказать, – Лео недоверчиво смотрел на великаншу на экране, – что ты потребовала пригласить меня... из-за книги?

Она почувала подвох. Ее глаза из ореховых сделались темно-каштановыми.

– Кроме текстов, у меня нет информации о вашей стране, извини. Мне нужен был толковый детектив, способный работать в посольском особняке. Сама я не могу все время ползать с лупой!

«Все великаны дураки, – меланхолично подумал Лео. – Это расистское суждение, которое не делает чести приличному человеку. Все дураки поступают глупо, Эльза – великанша, стало быть, я попал в переплет оттого, что тексты, изданные у нас, доступны на Альтагоре в электронном виде...»

– А теперь оформляй изъятие тела, – сказала она тоном, не терпящим возражений. – Позже я поделюсь с тобой данными экспертизы и, возможно, выслушаю твои соображения, а пока что допроси свидетелей!

– Изъятие отменяется, – сухо отозвался Лео. – После того как я осмотрю место происшествия, тело посла отправят спецрейсом домой.

– И затянут экспертизу на сутки? – Она, кажется, растерялась. – Ты что, не доверяешь нашей лаборатории?!

– Я все сказал.

Ее глаза окончательно почернели, веки опасно сузились.

– Вы не будете здесь распоряжаться, детектив!

– Я уже здесь распоряжаюсь, – проговорил он еще суше. – И у меня не двадцать четыре часа, а гораздо меньше, и тратить время на пререкания я не намерен.

Он оборвал связь. Несколько секунд сидел на ступеньке, прислушиваясь: он боялся, что во внешней комнате сейчас откроется гигантская дверь, содрогнется пол, как при пятибалльном землетрясении, и послышится рев сразу нескольких великанов. Что им стоит проломить стены, переловить всех, кто находится в особняке, забрать тело посла силой... При помощи микрохирургов провести микровскрытие... Несчастный посол не заслужил такого унижения.

Было тихо. Лео потихоньку выдохнул и посмотрел на часы. Журналист-соавтор присочинил для красоты, что Лео носит серебряный хронометр с секундной стрелкой. Хронометр у Лео где-то был, но таскать на руке он предпочитал дешевый пластиковый корпус с электронным табло. Просто потому, что его можно никогда не снимать.

Правительство Ортленда уже собралось на экстренное заседание. Армия Альтагоры уже перешла в состояние повышенной готовности. Великанша Эльза была излишне оптимистична, когда говорила про двадцать четыре часа.

* * *

– Когда вы вошли в комнату, окно в кабинете было закрыто или открыто?

– Открыто. – Секретарь нервно сглотнул. – Я хорошо помню, потому что был сквозняк. Незапертая дверь хлопала и привлекла мое внимание. Я постучал... Андерс... господин посол не ответил... Тогда я вошел и увидел. Половина второго ночи...

– Вы ничего не трогали в комнате?

– Нет. Я только закрыл окно, потому что сквозняк...

– Но сейчас окно распахнуто и защелка сломана.

– Так ведь... это сделала великанша, уже после убийства. У нее был щуп... с камерой. Она пальцем выдавила окно снаружи, просунула внутрь камеру и сняла... В смысле, осуществила съемку...

Окно кабинета на втором этаже. Лео представил, как Эльза Бауэр встает на четвереньки, склонив широкое сосредоточенное лицо над посольским особняком, и гигантским пальцем без маникюра выдавливает пластиковую раму...

– Вы были здесь, когда великанша осматривала комнату?

– Э... нет. Это не для моих нервов. – Секретарь принужденно усмехнулся. – Ее лицо было прямо здесь, напротив окна... Я вышел.

– То есть вы не знаете, касалась ли она предметов, брала ли что-то?

– Вроде бы все на месте, – неуверенно проговорил секретарь.

«Все на месте, кроме орудия убийства», – подумал Лео.

Следов борьбы в комнате нет. Смерть наступила вследствие удара в область правой височной кости. Нанести удар мог человек того же роста, что и посол: в этом случае убийца был правой и подошел сзади, и в руках у него был тяжелый предмет. Либо нанести удар мог некто, находившийся снаружи, просто щелкнув пальцем.

Лео силой воли изгнал из воображения картину: щелчок, вроде как сшибающий насекомое. Удар, сокрушающий череп. Тело отлетает внутрь комнаты, к столу. Вот он и лежит у самого стола, и кресло чуть сдвинуто...

– Вчера ночью к особняку приближались великаны?

– Совершенно исключено, – твердо сказал секретарь, поймал взгляд Лео и чуть переменялся в лице. – То есть... Я обычно слышу, когда открывается та дверь, снаружи... великанская. И как в большой комнате кто-то ходит. А вчера я не слышал.

– Вы правша, господин секретарь?

– Д-да...

Из-за жесткого цейтнота Лео был вынужден совмещать обыск с допросом свидетелей. Или подозреваемых. Официального статуса у сотрудников посольства до сих пор не было. А между тем, судя по первым же впечатлениям, убийцу следует искать именно здесь, в особняке.

– Покажите вашу коллекцию молотков, – сказал Лео.

– Коллекцию, – механически повторил секретарь, как если бы ему задали убийственный вопрос на экзамене, – коллекцию... чего?!

* * *

Все инструменты в особняке хранились в строгом порядке, Лео смог в этом убедиться, когда менеджер распахнул перед ним дверь склада в цокольном этаже.

Менеджер, в отличие от тощего секретаря, был сложен плотно и основательно, по-крестьянски. Этот человек знал толк в хозяйствовании, был педантичен и опытен. По молодости проворовался, был осужден, потом амнистирован, покаялся и бросил пить. А теперь, похоже, переживал срыв, и хорошо бы отобрать у него бутылку.

– Я совершенно трезв. – Менеджер помотал головой, будто отказываясь признавать реальность. – Вот, полюбуйтесь...

Чего здесь только не было – каждый предмет на своем месте, в поролоновом гнезде, в соответствующей коробке, с неизменным инвентарным номером. Молотков имелось три, разной величины, все с квадратными бойками.

В то время как предмет, которым убили посла, не имел углов или выступов.

– Больше нет ни одного молотка, господин детектив. – Менеджер говорил с чувством, так патетически, будто приносил вассальную присягу. – И вообще ни одного инструмента, кроме тех, что вы видите. Здесь ничего случайного, каждую железку можно отследить по документам! Я учитываю в этом доме каждую скрепку!

И он воздвиг перед Лео стопку подшитых бумаг: инструкции и техпаспорта на микроволновку и духовую печь, стиральную машину, автоматический пылесос и сотню других приборов, включая мини-сауну и теннисную пушку для тренировок.

– В штате не предусмотрена должность техника. – Менеджер хотел бы говорить с достоинством, но получилось что-то среднее между жалобой и похвалой. – Все приходится делать самим. Если полка покосилась или труба протекла, к примеру...

Он привычным жестом полез в карман пиджака и вытащил садовые резиновые перчатки. Надел, будто собираясь немедленно приступить к работе, и тут же, спохватившись, снял и спрятал обратно в карман.

– В доме есть статуэтки? – спросил Лео. – Сувениры, металлические вазы? Гантели? Любые предметы, которыми можно убить человека, ударив по голове?

– Вы что же, думаете, – менеджер попытался разгневаться, но вместо этого икнул, – это мог сделать кто-то из нас?!

– Вы правша?

Менеджер кивнул, будто клянувшись. Встретился глазами с Лео. Съежился, втянул голову в плечи.

– У нас... сувениры, вазы... коллекция фарфора. А не чугуна! А ваши намеки... оскорбительны.

«Какие уж тут намеки», – мрачно подумал Лео.

* * *

– У меня алиби, – нервно покашливая, сообщил секретарь. – Во время убийства я разговаривал с женой – удаленно, она подтвердит. Мы говорили с часа ночи, когда посол вернулся с приема, до половины второго, когда он был уже... когда я нашел его.

– Вы понимаете, что жена – не очень хороший свидетель для алиби?

– Зато провайдер связи – отличный свидетель. – Секретарь улыбнулся, будто выкладывая на стол убийственный козырь. – Запросите данные провайдера, они подтвердят факт международного разговора.

– Что вам мешало установить связь, оставить компьютер в комнате, пойти и убить посла?

Секретарь запнулся и замер с открытым ртом. На лице у него отразилось паническое усилие – он был похож на человека, который в людном месте роется в кармане, где только что лежал кошелек.

– Но... – секретарь сглотнул, – там еще была теща... Она заходила в комнату и выходила... теща – это хороший свидетель?

– Возможно, – сказал Лео. – Ваши коллеги, сотрудники посольства – где находились в этот момент?

* * *

– Мы оба семейные люди. – Менеджер тоскливо потер горящие, как у школьника, уши. – У меня двое детей, у Валентины... поварихи... у нее сын. Мы не собираемся ничего менять... Неужели мы должны... вот так признаваться в адюльтере, под запись, под диктофон?

– Если хотите подтвердить свое алиби.

– Вы что, никогда не изменяли жене?! – Менеджер поднял на Лео грустные воспаленные глаза.

– У меня не было жены, – сказал Лео.

– Почему? – удивился менеджер. – Или... у вас муж?

– Я никогда не состоял в браке, – сказал Лео со сталью в голосе. – Ни с кем! И это совершенно не относится к делу... А вам, считайте, повезло, если вы с поварихой были вместе в момент убийства. Я допрошу вас по отдельности и сопоставлю детали.

– Какой вы черствый нехороший человек, – сказал менеджер безнадежно.

* * *

Посол жил аккуратно и скромно, совсем не пил, в отличие от менеджера. Держал в кабинете книжный шкаф без единого художественного текста – только исторические монографии, мемуары политиков и воспоминания спортсменов, в основном теннисистов. Его всерьез интересовала культура великанов, и он собрал, кажется, всю доступную по теме литературу. Сейф в его кабинете запирался кодом «1-2-3-4».

Отпечатки тут тоже имелись – посла. Секретаря. Поварихи. Несколько «пальцев» менеджера, меньше прочих, учитывая его манеру носить в кармане рабочие перчатки.

Рядом с книжным шкафом стояла легкая стремянка – посол не ленился дотягиваться до верхних полок. Лео позаимствовал стремянку, чтобы заснять место преступления с самой высокой точки, из-под потолка. Он любил смотреть на предметы сверху, это помогало систематизировать наблюдения.

Когда Лео закончил осмотр, солнечный луч упал снаружи, из великанского оконного проема, накрыл посольский особняк, заглянул в кабинет, в последний раз осветил мертвого посла и отразился в лужице подсохшей крови. Оба окна – маленькое, в особняке, и большое, в комнате великанов, – выходили на юго-запад.

Лео облокотился о подоконник. Унылый пейзаж, он же интерьер: вместо неба, деревьев, улиц, газонов посол каждый день принужден был любоваться белыми стенами внешней гигантской комнаты и серым пространством пола, на котором единственным цветным пятном выделялся ярко-зеленый теннисный корт. Наверное, посол много раз вот так стоял, подняв взгляд к источнику света, пытаясь увидеть что-то за внешним, великанским окном. Что там можно различить? Размытая синева, очертания облаков, солнечный луч. Лео задумался. А что увидит великан, вздумай он заглянуть снаружи?

В ночь убийства внешнее окно стояло открытым, по настоянию посла. Тот требовал, чтобы гигантская комната хорошо проветривалась, когда позволяет погода. В кабинете горел приглушенный свет, силуэт человека в проеме был отлично виден снаружи, и снайпер не мог бы промахнуться... Но пуля из винтовки великанов разорвала бы посла на части и не оставила сомнения, кто это сделал.

Значит, стреляли не из винтовки. Пневматическая труба с оптическим прицелом? Великаны сильны в механике, в отличие от электроники. Идея с выстрелом через окно – пока единственная версия, предполагающая невиновность посольских. Но где снаряд?

Лео заглянул под стол и под книжный шкаф. Осторожно передвинул тело, ничего нового не нашел. Могли выстрелить куском льда, думал Лео, но лед бы растаял, и осталась бы влага. А этого нет; простой естественный вывод: оружие великанов изъяла из комнаты Эльза.

Дрогнув воздух – снаружи открылась огромная дверь. Затрясся пол, не катастрофически, но ощутимо. Лео отпрянул в глубь комнаты. Вероятно, проживи он в этом особняке подольше – привык бы и не обращал внимания. Но куда не привык – он мечется, как мышь, и хорошо, что никто не видел.

Солнце исчезло, будто съеденное, заслоненное огромной тенью. Легка на помине.

Лео осторожно выглянул из-за края портьеры. Увидел силуэт на фоне яркого света – Эльза стояла у окна, не глядя на особняк, спиной к Лео. Склонив голову, изучала великанскую оконную раму, в руках у нее было устройство вроде электронной лупы. Лео с тяжелым вздохом подтянул к себе компьютер.

* * *

– Что ты там ищешь?

– Потерянную девственность, – отозвалась она, не оборачиваясь. Лео слышал ее голос одновременно в динамиках и снаружи – к счастью, она не ревела таким низким басом, как великаны-мужчины.

– Эльза, – сказал Лео отрывисто, – ты осматривала место преступления первой. Без свидетелей. Ты пальцем выдавила оконную раму, ты заглядывала внутрь... Что ты вынесла из комнаты посла?

Она чуть повернула голову. Лео видел ее силуэт на фоне освещенного большого окна.

– Теперь жалею, что ничего не вынесла. Не стоило разводить дипломатию, выписывать Лео Парселя из Ортленда, ждать и договариваться. Надо было вытащить тело и отдать на экспертизу...

– А если я предположу, что ты сообщница убийцы? – скрипнув зубами, спросил Лео. – Некий великан выстрелил в окно из пневматической трубки, а ты во время обыска подобрала и спрятала снаряд. Или стреляла тоже ты?

– Идиот. – Она повысила голос, Лео невольно зажал ладонями уши. – Через несколько часов начнется война. Я должна бы все бросить и вывозить семью из города, но я взялась за это проклятое дело! Я рассчитывала на тебя, я поверила лживой книжонке... «Великий детектив!» И лучшая версия, которую ты за несколько часов родил, что посла убила я?!

Лео сейчас слышал ее дыхание. Великанша была в ярости. Она шагнула по направлению к особняку, Лео малодушно отступил, но великанша вдруг остановилась. Резко наклонилась, присела на корточки и пинцетом – в два человеческих роста! – подняла что-то с пола – оттуда, где зеленым прямоугольником выделялся на полу теннисный корт.

– Что ты нашла?!

– То, что ты упустил. – В ее голосе слышалось теперь удовлетворение.

– Послушай, мы партнеры...

– Мы?! – Повернувшись к Лео спиной, склонив голову, она разглядывала свою находку. – Нет. Ты решил поиграть в босса-с-пальчик. Играй. Но учти, если начнется война, победителей не будет.

Она тщательно закрыла великанское окно, заперла на нем все задвижки и зашагала к выходу.

* * *

Парадная скатерть, белая с золотым орнаментом, входила в инвентарь посольства и ни разу не видела не только банкета, но даже утреннего чая. Едва вылупившись из заводской упаковки, она обречена была стать саваном; секретарь и менеджер, кряхтя и осторожно ступая, вынесли тело из кабинета и на скатерти, как в гамаке, спустили вниз, к мобильной кабине. Помещенный в пустой багажный отсек посол казался грустным и разочарованным – свой путь домой он представлял не так.

Осматривая тело, Лео торопился и теперь очень надеялся, что в спешке не упустил ничего существенного. Ему хотелось поскорее отправить отсюда посла, как если бы тот был жив и подвергался опасности. Только получив сигнал из аэропорта, что тело на борту и самолет готовится ко взлету, он немного успокоился: великанша не решилась на открытую конфронтацию.

Этой великанше удалось уязвить его. Когда имеешь дело с человекоподобным существом, у которого каждый палец почти с тебя ростом, надо быть очень умным. Либо чувствовать себя умным. Наслаждаться превосходством в интеллекте, пусть даже молча. Это дает силы, чтобы примириться с реальностью, умная великанша не входила в планы Лео. Язвительная – тем более. Великаны часто хамят, но «босса-с-пальчик» – слишком метко сказано для

великана. Она мастерски попала в его нерв, в его страх, в его унижение. Очень трудно работать, когда ощущаешь себя букашкой.

«Если начнется война, победителей не будет».

Лео постоял у окна в опустевшем кабинете, где на паркетном полу был мелом обведен контур. Створка чуть покачивалась, беззвучно, как лепесток. Вчера ночью здесь было тепло, даже душно, полное безветрие. Посол вернулся с приема – голодный и трезвый, он никогда не ел и не пил в присутствии великанов. Здесь, на столе, повариха оставила для него закуску и холодный чай без кофеина – в точности как распорядился господин посол. Он не прикоснулся ни к бутербродам, ни к чаю. Вместо этого он...

Дальше воображение Лео отказывалось работать. Сырье в виде голых фактов было загружено в котел сознания, но никакой реакции не происходило, как если бы суп пытались сварить из гвоздей. Важнейшего ингредиента не хватало: что она подобрала на теннисном корте?!

Он открыл свой компьютер. В ответ на недавний запрос ему прислали куцую биографическую справку: Эльза Бауэр, тридцать два года, не замужем. Служила в армии – как и все великаны обоих полов. Юридическое образование. Блестящая карьера. Есть родители и младший брат. Блогов не ведет, публично не выступает, занимается спортом – плавание. Работа и спорт – и, кажется, вполне довольна жизнью.

А ведь мы чем-то похожи, подумал Лео. Кто знает, если бы к Эльзе явился великан-журналист и предложил написать книгу в соавторстве... Интересно, какой бы получился персонаж. Соавтор, разумеется, устремился бы подальше от скучной правды, приписал бы Эльзе любовь к джазу или авангардной живописи... или сделал бы волонтером в приюте для слепых щенков... Публике это интересно. Хотя мне, думал Лео, куда интереснее было бы другое: любовники. Конфликты. Провалы по службе. Ошибки в прошлом. Травмы...

Он не успел додумать – пришел вызов с родины. От начальства, но это не был шеф Лео. Это был целый генеральный прокурор.

– К сожалению, пока нечего доложить, – признался Лео. – Собираю информацию. Жду результатов вскрытия. Есть кое-какие предположения, но их рано обнародовать.

– Господин Парсель, – сказал прокурор со значением. – Международная обстановка накаляется с каждой секундой.

– Я стараюсь не медлить, но...

– Погодите! – Прокурор повысил голос. – Надеюсь, вы понимаете. Вы должны получить совершенно определенный результат: посла убили великаны.

– Но, – Лео почувствовал, как наливается кровью лицо, – я пока не знаю, кто...

– Не важно, кто из них, – сказал прокурор с нажимом. – Узнайте, как они это сделали. Наверняка у них была возможность. Ответственность за смерть посла лежит на великанах, чем раньше вы это заявите, тем лучше будет для всех!

– Вы же не ждете от меня фальсификации? – глухо спросил Лео.

* * *

Где-то там, за океаном, шеф Лео получал сейчас жестокую трепку уже от своего начальства. Хотя и не был ни в чем виноват – великаны выставили ему условие, что расследовать смерть посла будет Лео Парсель. Шеф не смог либо не посчитал нужным убедить их принять кого-то другого. Более сговорчивого. Понимающего остроту момента. А минуты утекают со страшной скоростью, и великаны-пилоты Альтагоры, наверное, уже в кабинах. Две страны разделены океаном, но океан в наше время несложно пересечь. У Ортленда отличная ПВО, но самолеты великанов обладают чудовищной инерцией. Военные Альтагоры не считаются с жизнями своих – даже будучи подбитыми, их летчики поведут свои машины к цели. Один-единственный самолет великанов, просто свалившись с неба, может уничтожить целый район...

«Ястребы» в правительстве Ортленда давно не стеснялись в выражениях: Альтагора должна быть превентивно ослаблена, угроза «большого сапога» навсегда ликвидирована. Все знают, что вирус, убивающий великанов, уже создан и ждет своего часа в пробирках. А вирус, превращающий великанскую электронику в груды хлама, уже написан лучшими программистами и хранится на недоступных серверах.

И сценарий «победоносной войны» давно известен: один вирус следует залить в компьютерные сети, другой – в водопровод крупных городов. Система обороны Альтагоры будет парализована, система здравоохранения захлебнется. Самолеты возмездия не взлетят, бомбы не посыплются, великаны-десантники протянут ноги, которыми собирались кого-то топтать, а правительство Ортленда по всем каналам обратится к человечеству: мы атаковали первыми, чтобы предупредить коварное нападение!

А ведь великанам должно быть и вправду страшно, подумал Лео. Мы агрессивнее, мы технологически сильнее, мы считаем себя вправе убивать их без жалости только потому, что они такие огромные... А мы их боимся на уровне физиологии. Потому что мне, например, невыносимо даже слышать, как там, снаружи, кто-то ходит...

– Великаны часто приближаются к дому?

Повариха нарезала овощи на салат, привычно, ювелирно-точно, и держала нож правой рукой. Еще одна правша, механически отметил Лео.

– Каждый день, – повариха работала, нож постукивал о доску, это был домашний умиротворяющий звук, – утром приносят доставку – продукты, заказы с родины. Дипломатическую почту. Вечером прибирают территорию. Поначалу здесь был автоматический пылесос, но Андерс... господин посол посчитал, что это опасно. Любая техника может сломаться, особенно великанская. С тех пор приходит великан-уборщик с ведром и тряпкой. И вчера приходил, часов в семь вечера.

– Там, под большим окном, где теннисный корт, он тоже моет?

– Да. Вокруг сетки он моет специальной тряпкой. Это очень старательный великан. – Повариха ополоснула нож под струей воды и тщательно вытерла полотенцем.

– В каком настроении был вчера господин Андерс? Не волновался, не был чем-то расстроен?

– Как всегда... перед приемами он немного нервничал, знаете, как артист перед выходом на сцену. Когда вернулся, был очень усталый. И такой... отстраненный. Но он всегда уставал после этих... мероприятий.

И она горестно вздохнула:

– Он спустился в кухню всего на одну минуту, это было уже после полуночи. Попросил таблетку от головной боли, я ведь здесь медработник, заведу аптечкой, курсы прошла...

– У него часто болела голова?

– Когда возвращался – почти всегда...

– Вы дали ему таблетку, и он вернулся к себе?

– Нет. Он спросил, как включается духовой шкаф. Я предложила ему разогреть, что он хочет, или заново приготовить. То есть жестами показала, он после приемов всегда был глуховат... Он ответил, чтобы я не беспокоилась, он все сделает сам... такой милый. Такой... простой, искренний. Никто из нас не мог убить его, это невозможно представить.

– У вас в семье финансовые проблемы? – небрежно спросил Лео.

– Нет. – Она насторожилась. – Не так чтобы... то есть... а откуда вы знаете?! И при чем тут...

Интересно, могли ли великаны подкупить ее, подумал Лео. Взятка в местной наличке завалит взяточника, как полный кузов щебенки из самосвала. А движение на банковских счетах отслеживается под микроскопом. Но объективно – деньги ей нужны...

– Мой муж потерял крупную сумму, – помолчав, сказала повариха. – Пытался спекулировать на криптовалюте. Ну что же... а я ему изменила. Квиты. – Она очень горько улыбнулась. – Мне не хотелось бы с вами это обсуждать...

– Простите, – сказал Лео. – Не хотел вас обидеть. В ночь убийства здесь был великан? Вы его слышали?

– Нет. – Она сбросила нарезанные овощи в глубокую керамическую тарелку, отточенным жестом добавила соуса. – Я не слышала. Хотя, знаете, когда поживешь так несколько месяцев – великаны снаружи становятся чем-то вроде дождя или ветра. К ним не прислушиваешься. – Она окинула взглядом уже готовые блюда в термических упаковках. – Господин детектив, может быть, вы поужинаете с нами? Я приготовила, как обычно, на четверых. Не задумываясь. А теперь вот вспомнила, что Андерс не придет...

Она вдруг отвернулась, пряча лицо, и втянула голову в плечи. Или она великая актриса, подумал Лео, или по-настоящему горюет. Трагическая, внезапная смерть молодого успешного человека, сдержанного, ровного в общении с начальством и подчиненными, не имеющего врагов...

– Приятного аппетита, – сказал он поварихе. – Я не голоден. Поужинаю позже.

Он вышел в гостиную. За огромным окном снаружи сгущался вечерний свет. Лео прислушался: далеко, а может, и не очень далеко, низкими инфразвуковыми раскатами ревели голоса великанов, и, кажется, эти голоса приближались.

Вполнакала горели лампы, на бильярдном столе валялись забытые шары, будто овцы на зеленом лугу после визита волка. На массивной деревянной вешалке одиноко висел галстук-бабочка, а на подставке для обуви лежала теннисная ракетка; разумеется, не личные мотивы, думал Лео. Кто бы ни лишил жизни Андерса Плота, его убили только потому, что он занимал должность посла. Убили заложника. Скверно.

Лео вышел на порог, отчего-то крадучись. Потоптался в палисаднике, преодолевая страх. Решившись, зашагал к теннисному корту – тот был покрыт сочно-зеленым пластиком, у сетки стояла корзина с цыплячье-желтыми мячами. Яркие весенние цвета тревожили взгляд, а не радовали.

С каждым шагом Лео делалось все неудобнее – он чувствовал свою уязвимость. Звук шагов отражался от стен и высоченного потолка, создавая странные акустические иллюзии. Сама идея строить особняк в помещении – великанском – казалась издевательством, но в Альтагоре нередки шквалы, которые и с великанских зданий, бывает, сносят крышу. Давайте же прятаться, соблюдая требования безопасности. Резонные и унижительные требования.

А еще насекомые, осы, пчелы, комары, цветные бабочки, ударом крыла сбивающие с ног. А еще грызуны размером с лошадь. Великаны исправно проводят в районе посольства дезинсекцию и дератизацию, спасибо и на этом...

Лео остановился на краю корта. Посмотрел на свои кроссовки. Было какое-то правило насчет обуви на корте – во всяком случае в спорткомплексе его юности. Только специальные туфли, не оставляющие следов...

Убийца не оставил следов.

Что подняла с пола Эльза своим огромным пинцетом? Этот предмет оказался на корте в ночь убийства. Ведь еще с вечера старательный великан с ведром и тряпкой все здесь тщательно прибрал...

Лео заставил себя пройти еще несколько шагов. Мячи лежали в корзине, как яйца в гнезде, интересно, что может вылупиться из таких уютных, ворсистых, ярко-желтых шаров. Лео прислушался к своим ощущениям. Котел в голове до сих пор работал вхолостую, но вот-вот прозвучит шелчок, и края шестеренок сойдутся.

* * *

– Я понимаю, что вы расстроены, – терпеливо сказал Лео, стоя под дверью комнаты, в которой заперся секретарь. – Но мне очень нужна от вас консультация, прямо сейчас.

Минуту было тихо. Потом щелкнул замок. Секретарь стоял на пороге – в мятой рубашке с расстегнутым воротом, с красными глазами, всклокоченный и мокрый. Нервный срыв, подумал Лео. А врача здесь не держат, избыточная роскошь.

– Вам лучше признаться, – сказал Лео мягко. – Сию секунду. Не затягивая.

– В чем? – Секретарь содрогнулся.

– Ладно. – Лео вздохнул. – Кто из вас лучше играл в теннис – вы или господин посол?

Секретарь молчал несколько секунд. Лео сжал зубы: это была очень долгая пауза.

– Мы играли примерно одинаково, – медленно сказал секретарь. – А при чем здесь...

– У вас была теннисная пушка для тренировок. Вы оставили ее на корте в ночь убийства.

– Не понимаю, – беспомощно сказал секретарь.

– Очень хорошая пушка, не так ли? Я видел ее технические документы, когда осматривал склад. Это устройство, которое подает мячи над сеткой, чтобы игрок мог принимать удар.

– Хорошая. – Секретарь мигнул воспаленными глазами.

– Очень мощная. – Лео доверительно улыбнулся. – Необычайно мощная. Лучшая модель.

– Чего вы от меня хотите?! Я... играл... тренировался... Пушка отстреливала мячи, я отрабатывал удар с лёта... Это было мое свободное время... Андерс... господин посол был на приеме...

– Вы дождались, пока он вернется, и убили его. Я знаю как. И великанша тоже скоро узнает. Она подобрала улику, она вас разоблачит, а не я. Представляете, какой будет международный эффект?

– Вы ошибаетесь, – тихо сказал секретарь. – Андерс был моим другом...

Он замолчал, перевел дыхание и заговорил внезапно охрипшим голосом:

– Он был для меня... единственным близким человеком. Моя жена меня презирает, теща ненавидит. Может, я большего и не заслуживаю...

Он с силой провел ладонью по лицу:

– Обвиняйте, пожалуйста. Будет справедливо, если меня осудят, раз я был рядом и не смог предотвратить его гибель... Но чем я его, по-вашему, убил – теннисным мячом?!

Компьютер Лео издал короткий неприятный звук, примерно так вякает электронная касса, отказывая в платеже. Великанша Эльза не включила камеру – вместо заставки у нее была полицейская эмблема Альтагоры.

– Спускайтесь в бункер, или что там у вас есть. Идет толпа громить посольство. Охрана не справляется. Пока прибудет военный патруль, забейтесь в щелочку!

И она оборвала связь. Рев низких голосов становился ближе. Ближе. К нему добавились душераздирающие вопли автомобильных сирен, задрожали стекла.

* * *

Проектировщики особняка держали в уме неотвратимость войны. При посольстве имелось убежище – бетонный этаж с бетонной же крышкой, по архитектуре слегка похожий на гнездо медведки.

Щель-укрытие давала возможность продержаться и сутки, и неделю; случись международный конфликт, сотрудники посольства укрылись бы в бункере и через некоторое время вернулись бы в новый мир – затянутый дымом и полностью лишенный великанов. Заваленный исполинскими гниющими телами.

Лео дождался, пока повариха, секретарь и менеджер скроются в бункере, пока крышка станет на место. Поднялся из цокольного этажа на первый; в зале с мраморной лестницей раскачивалась люстра, будто маятник, а пол не просто содрогался – он трясся так, что подпрыгивали неубранные крошки. Там, снаружи, толпа великанов подходила ближе, и ближе, и ближе. Охрана посольства, если она и была, не делала попыток никого остановить.

Слово «щелочка», употребленное великаншей Эльзой, произвело на Лео странный эффект: он отчего-то начал видеть все вокруг в красном спектре, а время, кажется, замедлилось. Ни о чем не думая, он подошел к распределительному щиту – у входа справа, за изящной деревянной панелью – и отыскал тумблеры, регулирующие внешнее освещение.

Во всем особняке не горели лампы. И снаружи, в комнате великанов, царил полумрак. За огромным окном холодным светом горел синий фонарь, и теплым светом горел желтый. Поэтому тени, вдруг упавшие на стекло, показались двойными, с голубым и апельсиновым оттенком. Три тени, пять, семь, потом одна сплошная многоголовая тень; стекло хрустнуло, потеряло прозрачность и пошло трещинами, будто растянули огромную паучью сетку. И еще одну. И еще. Наушники почти не защищали. Барабанные перепонки Лео готовы были треснуть.

Наконец стекло поддалось. Взорвалось миллионом осколков, и они рассыпались по серому гладкому полу. Перебираясь через подоконник, переваливая тяжелые туши, воняя потом и мускусом, великаны устремились внутрь.

В этот самый момент лампы над особняком вспыхнули в полную мощность. На крыльцо упал ослепительный круг света, в центре круга стоял Лео с микрофоном в руках. Тени в этом белом свете получались отменно-черные и очень контрастные, не как в театре, не как в операционной, а как на улицах мегаполиса в момент мировой катастрофы.

Лео оценил эффект – и почти сразу полностью ослеп, это было к лучшему. Но и великаны остановились: слишком резко поменялась обстановка, слишком ярко ударил свет в их расширенные зрачки.

– Территория посольства Ортленда, – сказал Лео в микрофон. – Вы нарушаете международный договор, согласно которому...

Строители особняка предусмотрели такой диалог: динамик в три человеческих роста, установленный на балконе второго этажа, рывкнул низким басом, транслируя речь Лео, делая ее различимой для великанов.

– ...посольство неприкосновенно, – продолжал Лео. – Сейчас вы нарушаете закон. Это неминуемо повлечет ответственность. Административную. И уголовную. Чтобы избежать последствий, покиньте территорию посольства!

К нему медленно возвращалось зрение. Рассеянным светом прожекторы заливали и великанов – громилы топтались у стены под разбитым окном, рядом с бывшим теннисным кортом. У них были орудия в руках, что-то вроде пожарных багров, видимо, обнесли пункт гражданской обороны. Их животы вздымались и опадали, вокруг башмаков облаком висела пыль, головы казались крохотными и вроде бы почти касались потолка. Их рты были в недоумении разинуты: каждая глотка глубиной в колодец. За окном орала и напирала толпа. Лео отстраненно подумал, что книга, написанная журналистом-соавтором, сожрет память о реальном человеке, и через несколько лет даже близкие знакомые будут верить, что детектив Парсель носил идеально чистые туфли и всегда рассуждал логически.

– Вы хотите справедливости. – Он повысил голос. – Вы хотите знать, что убийство в посольстве – не провокация. Так дайте же мне завершить расследование!

До них наконец-то дошел смысл его слов. Великаны переглянулись. А потом захохотали. Они смеялись заливисто, как дети, ведь голос из динамика казался им комическим писком. Контраст между словами и тембром заставлял их ржать похрюкивая.

Звук их смеха был как пытка. Все кости, все полости, сколько их было в теле Лео, болезненно взвыли.

– Я сотрудничаю с полицией Альтагоры, и я обещаю...

Великаны прибывали и толпились. Ступали по хрустящим осколкам, приближались к особняку, склоняя головы, разинув рты, с азартом и некоторым удивлением. Их мысли читались на лицах: каждый мечтал накрыть оратора ладонью, как лягушонка, взять в пригоршню и рассмотреть повнимательнее.

– ...полностью объективное расследование!

Динамик должен быть в десять раз мощнее и ниже по тембру. Тонким кукольным голосом можно ругаться, умолять или зачитывать конституцию – все едино. Их ярость сменилась весельем, а потом любопытством, но для Лео это не победа, а катастрофа, потому что лучше однажды попасть под каблук, чем стать игрушкой в потных ладонях.

– Мы с вами хотим одного и того же! Мы хотим, чтобы убийца предстал перед судом!

Они хотели совсем другого, их желание становилось с каждой секундой все нестерпимее: сцапать таракашку двумя пальцами. Осторожно повернуть. Прижать чуть сильнее, проверяя, насколько он крепок...

Новый шум послышался снаружи, Лео не сразу разобрал его среди рева, грохота и звона в ушах. Те, что стояли ближе к двери, завертели огромными головами, их животы чуть подались назад. Сразу несколько великанов заорало в голос, ругаясь на диалекте, Лео не мог разобрать ни слова. Потом загрохотала дверь, и в комнату ворвался новый великан, ничуть не ниже прежних, но не такой толстый. Лео не сразу понял, что это Эльза, одетая во что-то вроде военного камуфляжа.

Лео впервые увидел ее вот так, целиком, при ярком свете – не изображением на экране компьютера, не силуэтом в окне. Она была огромна, каждая ступня размером с джип-внедорожник. И она орала на толпу, жестикулировала и бранилась, от ее голоса Лео почувствовал, как лопаются сосуды в глазах.

Она встала между толпой и посольским особняком. Сам по себе этот жест ничего бы не решил, но военный патруль, о котором Эльза говорила раньше, все-таки, видимо, прибыл. Правительство Альтагоры здраво рассудило, что разгром посольства не добавит соседям миролюбия, и пока есть призрачный шанс задержать войну – надо им воспользоваться. Громили заколебались, снаружи послышалась автоматная очередь, и Лео потерял слух.

* * *

– Я не слышу.

Она шевелила губами на экране – круглолицая, широкоскулая, злая. Странно смотрела, будто ожидая. Чего ждала – что он станцует, что он взлетит?

Повариха рыдала в комнате для персонала, менеджер ее успокаивал. Секретарь заперся у себя в комнате. По этажам ходили сквозняки: окно, через которое вломились великаны, зияло гигантским проемом, а погода между тем переменилась. Ветер снаружи задувал в особняк. Следовало пройти по всем этажам и накрепко закрыть форточки, но у Лео не было сил.

Эльза поднесла руки к ушам, указательными пальцами дотронулась до козелков, массируя, выразительно глядя, будто пытаясь передать Лео сокровенное знание. Лео подумал и повторил ее жест. То ли массаж великанши сработал, то ли пришло время слуху восстановиться, но внутри правого, а затем и левого уха что-то хрустнуло, и вернулся звук – будто сквозь вату.

– Ого, – сказал Лео.

– Смысл своей выходки объясни мне, пожалуйста, – сказала она прокурорским тоном.

– Э... – сказал Лео, – спасибо, что позвонила тогда, ты спасла нас, между прочим.

– Почему ты не спустился в бункер? Где логика?!

Логика в его поступках присутствует, конечно. Только она всегда выявляется задним числом. Интуиция командует, Лео выполняет, логика потом находится, как закатившийся под кровать теннисный мячик.

– Ты собирался их удержать?! – у нее раздувались ноздри.

– Но ведь удержал же, – сказал Лео.

Приятно было наблюдать за сменой выражений на ее лице. Лео надеялся, что до настоящей правды Эльза не докопается: ему неловко было признаваться даже себе, что поддался манипуляции, пусть и неосознанной.

«Забейтесь в щелочку», – сказала она. И тем нажала на спусковой крючок, существовавший, правда, исключительно в голове у Лео. Он мог бы ответить ей сейчас: я не спрятался, потому что хотел сохранить достоинство. Но вместо этого сказал вслух:

– Считаю, что это меня они испугались и повернули обратно. И не тронули особняк.

Великанша разглядывала Лео сквозь экран, будто составляя его подробный словесный портрет.

– Ты, может, идиот, но точно не трус.

– В вашей культуре почетнее быть трусом или идиотом?

Она запнулась – и тем опять его порадовала: он сбил ее с толку. Заставил растеряться. В каких же мелочах он находит удовольствие.

* * *

Повариха перестала рыдать. Теперь она раскачивалась, сидя на стуле в гостиной.

– Господин детектив... Мы звоним, нам не отвечают... Свяжитесь по вашим каналам! Пусть эвакуируют посольство! Нас убьют... растопчут сапогами...

– Ситуация под контролем, – сказал Лео, вылавливая бильярдные шары из луз, собирая с зеленого сукна. – Не волнуйтесь. Скоро мы будем дома.

– Хотите сыграть партийку на бильярде? – желчно осведомился менеджер, наблюдая, как Лео укладывает шары в полированный ящик.

– Почти, – сказал Лео. – Пройдите в ваши комнаты и не покидайте их. Желательно, не подходите к окнам.

Он вышел на порог с тяжелым ящиком в одной руке и компьютером в другой. Великанша бродила вдоль дальней стены, битое стекло хрустело под ее огромными подошвами, от этого звука Лео морозило.

Осколки устилали пол великанской комнаты, в их гранях отражался свет. Лео шагнул и понял, что путь до теннисного корта будет длиннее, чем в прошлый раз. Хоть бы не оступиться и не упасть на эти осколки, проще сразу прыгнуть в мясорубку...

– Ты так покалечишься, – сказала великанша, будто отвечая на его мысли. Ее голос вибрировал в воздухе, больно кусая барабанные перепонки, и одновременно звучал в динамиках компьютера – в человеческом тембре. – Давай я просто переставлю тебя с места на место?

– Если ты ко мне прикоснешься, – сказал Лео, – случится катастрофа.

– Ты обгадишься? – Голос ее звучал с издевательской серьезностью.

– Нет, я сфальсифицирую расследование и повешу убийство на великанов. Никто не станет вдаваться в детали. Наши просто начнут атаку.

Она промолчала. Лео не видел ее лица – он смотрел только под ноги, чтобы не наткнуться на осколок, не оступиться и не порезаться.

– Нападение на посольство, – сказала великанша очень тихо, – не было стихийным. Его спланировали и организовано провели. Используя толпу дураков.

– Кто? Зачем?!

– Затем, что ваши все равно начнут атаку, сфальсифицируешь ты дело или нет. Но, возможно, ваши чего-то не знают. И наши не столько боятся войны, сколько приближают ее.

Лео остановился. Деревянный ящик готов был выскользнуть из вспотевшей ладони.

– Чего ждем? – сухо спросила великанша. Стекло под ее ногами перестало хрустеть.

Лео, пошатнувшись, зашагал дальше. Его кроссовки были уже порезаны в нескольких местах. Еще двадцать шагов... пятьдесят...

Если великаны приближают войну, значит, они надеются победить. Техническое превосходство – не панацея, когда противник может взять тебя двумя пальцами, а потом зажать в кулаке. В детстве Лео видел во сне кошмары – как его сажают в коробку вроде обувной, но размером с комнату, накрывают крышкой и продают в магазине для великанов – он игрушка, он домашний питомец для их детей...

Осторожно ступая, он добрался до разгромленного корта. Сетка была растоптана. Поле усыпано битым стеклом. На небрежно расчищенном пятачке Эльза оставила теннисную пушку, похожую одновременно на чемодан и соковыжималку, с пластиковой корзиной наверху и черным хоботом на передней стенке.

Это был предмет, который великанша подобрала накануне. Его роль в убийстве предстояло сейчас подтвердить или опровергнуть.

– Начни с мячей, пожалуй, – сказала великанша.

– Не нуждаюсь в советах.

Желтые мячи полетели один за другим. Их траектория повторялась от выстрела к выстрелу – пушка была точна. Лео представил, как посольский секретарь, в белых теннисных шортах, скачет здесь в свете прожекторов, отрабатывая удар за ударом...

Корзина опустела. Лео загрузил бильярдные шары – те были тяжелы, будто залитые изнутри свинцом. Но ведь и пушка необычная, чрезвычайной мощности, и убийца мог подойти ближе к окнам. Лео прикрыл глаза, воспроизвел в деталях: выстрел. Шар проламывает череп. Убийца поднимается в кабинет, забирает снаряд и только тогда поднимает тревогу...

Пушка глухо крикнула. Первый шар вылетел, описал дугу и упал в нескольких шагах. Лео отшатнулся – осколки разлетелись с неприятным хрустом.

Второй шар упал еще ближе. После трех выстрелов пушка заткнулась, завибрировала, и на табло побежало сообщение о критической поломке.

* * *

Уже через несколько минут, анализируя следственный эксперимент, он искренне не мог понять, как ухитрился поверить в такую чушь: бильярдным шаром? Из теннисной пушки?! Интуиция Лео, его сокровище, сработала на этот раз как генератор случайных чисел. Он снова поддался манипуляции: вслед за великаншей поверил, что улика, найденная на корте, – ключевая.

– Хорошая попытка, – сказала великанша. – Но уж слишком... экзотическая версия.

Стоя у дальней стены, она говорила теперь очень тихо, ее голос не отдавался болью в ушах, но шипел и постукивал, как ветер в бамбуковой роще. Динамик компьютера произносил те же слова правильно и ровно, будто надиктовывая. Странно, но сейчас великанша пыталась падать его чувства и слух. И самолюбие.

– Годная версия, – после паузы снова заговорила Эльза. – Вполне в духе Лео Парселя.

– Книга – журналистский вымысел. – Он выдавливал из себя слова, как засохшую пасту из тюбика. – Такого Лео Парселя, что там описан, не существует. Это литературный персонаж.

– А расследования? Подлинные дела, на которые ссылается автор, – они тоже вымышлены?

– Нет. – Лео поморщился, не понимая, куда она клонит. – Дела были. Я их раскрыл. А что?

Она молчала, и Лео с удивлением понял, что молчание может быть красноречивее слов.

– Времени все меньше, – пробормотал он, просто чтобы разбить тишину.

– Ты не боишься обвинить своих, – задумчиво сказала Эльза. – А это посложнее, чем выйти навстречу толпе погромщиков... Твое начальство, я думаю, на тебя давит?

Лео промолчал.

– ...Потому что мое на меня давит со страшной силой. – Забывшись, она заговорила громче, но тут же снова понизила голос. – Но теперь я склоняюсь к мысли, что это сделали наши. Был выстрел снаружи, из модифицированного оружия с оптическим прицелом.

– И это меня ты упрекаешь в «экзотических версиях»?! – взорвался Лео. – Снаряд-то где? Кто его вынес?! Никто из ваших не мог подобраться к дому незамеченным!

– Я читала о неких военных разработках, – помолчав, сказала Эльза. – Извини, без подробностей. Они секретные. Но снаряд, изготовленный по особой технологии, может испариться без следа за несколько минут. Состав воздуха в особняке никто не проверял... А теперь поздно, все отлично проветрилось.

– Но если это так, – Лео охрип, – это значит... Убийство посла было санкционировано на самом высоком уровне. У вас в Альтагоре. Чтобы развязать войну.

Эльза сглотнула так шумно, что Лео показалось, будто рядом на берег накатила огромная волна.

* * *

Он оставил на корте пушку, мячи, бильярдные шары. Пусть явится старательный великан-уборщик и выметет все вместе с битым стеклом. Идти обратно было легче – Лео приноравливался. Снаружи, за стенами гигантской комнаты, великанские патрульные машины беззвучно мигали красными и синими огнями. Блики дрожали на осколках, Лео казалось, что он бредет не то по пенному морю, не то по тлеющим угольям.

– Я изучала социальные связи вашего посла, – тихо сказала великанша. – Он вел... активную светскую жизнь в отличие от предшественников. Он не считал для себя позором прогуляться по столу, даже во время банкета, даже между бокалов.

Лео скрипнул зубами, представив себе эту картину.

– ...И он посещал не только официальные мероприятия. Он ходил в гости, лично, по приглашению – ко многим высшим чиновникам, у него были ровные доверительные отношения с премьер-министром, например. С министром здравоохранения. Он вел переписку – строго по делу, о реформе среднего образования. О принципах здравоохранения, о доступности медицины... Но спрашивал и о семьях адресатов, был в курсе личных новостей...

Лео молчал. До порога посольского особняка оставалось несколько десятков шагов.

– Он не испытывал отвращения к Альтагоре, – задумчиво сказала великанша. – Ни страха. Ни высокомерия. Если ты понимаешь, о чем я.

– За это и заплатился, – сказал Лео.

– Послушай, версия – всего лишь версия. Мы оба сейчас паникуем. Нет ни единого доказательства, что это провокация военных Альтагоры. Нет экспертизы тела. Если бы ты согласился на изъятие – у нас уже был бы отчет криминалиста...

– Если бы это был твой соотечественник – ты бы отдала его криминалистам Ортленда?!

Великанша переступила с ноги на ногу, хрустнуло стекло под огромными башмаками, и Лео только теперь понял, что последние полчаса Эльза не двигалась с места, застыв, будто вкопанная.

* * *

Секретарь заперся у себя в комнате и на стук не отвечал. Лео не стал его принуждать – сказал через дверь, что ошибся с обвинением и сожалеет. Было поздно, никто не спал, в отдалении мигали красные и синие огни, напоминая Лео безумные дискотеки его юности.

Компьютер стоял на полу, подключенный к розетке. Горела настольная лампа; расхаживая по коридору второго этажа, Лео переживал самый страшный профессиональный крах в своей жизни.

Ортленд заранее уверен в победе, но Альтагора держит козыри, о которых соотечественники Лео не догадываются. Химическое оружие? Эльза упоминала секретные разработки. Если химическая бомба уже существует, то единственному исполинскому самолету достаточно просто дотянуть до берегов Ортленда. Накрыть собой несколько кварталов – и взорваться, и пусть умирают все...

Пришел вызов от великанши. Лео малодушно захотелось не отвечать: нечего было ей ответить.

Эльза была необыкновенно мрачна, такой подавленной Лео ее до сих пор не видел:

– Отличные новости. У тебя есть шанс.

– На что?!

– Погибший, – сказала великанша, – как ты помнишь, был в теплых отношениях с нашим министром здравоохранения. Я узнала, что на последнем приеме, накануне убийства, между ними случилась крупная ссора.

– Записи, свидетели? – быстро спросил Лео. – Они ведь разговаривали через компьютер, как мы с тобой? Протокол велся?

– Нет. Они общались напрямую.

– Невозможно. – Лео содрогнулся.

– Смотри...

На экране появился черно-белый кадр: запись с камеры слежения в официальном кабинете. Лео увидел человека, сидящего к камере спиной... Нет, великана! Тот утопал в глубоком мягком кресле, а по столешнице перед ним, по черной полированной столешнице металась крохотная фигура, размахивая руками. Маленький человечек что-то орал... пищал, вероятно, еле слышным мышинным писком. Сидящий в кресле подался вперед, склонился над фигуркой на столе, и Лео сделалось страшно. Великан поднес огромную руку к уху, прислушиваясь. Замер на секунду, а потом с силой опустил кулак на стол – жестом раздражения, отчаяния и гнева. Столешница затряслась. Фигурка на столе подпрыгнула, будто на батуте, и, не удержавшись, повалилась на колени...

Изображение пропало. На экране снова возникла Эльза, мрачнее прежнего:

– Они разговаривали без посредников и без охраны. Эта запись – все, что есть.

Лео беззвучно выругался.

– Вскоре после этого инцидента посол уехал. Он был физически цел, но видимо потрясен.

– Это дипломатический протокол – вот так поступать?! – Лео понимал, что теряет самообладание, и ничего не мог с этим сделать. – Так ведут себя ваши министры, это хороший тон, это считается допустимым?!

– Учти, что они часто общались, – сказала Эльза. – Они приспособились друг к другу. Вероятно, раньше такого между ними не было.

– Ты копаешь под своих, – пробормотал Лео, выравнивая дыхание. – Это не просто предположение – это серьезный мотив, и вашим он не понравится...

– ...Поэтому меня отстранили от дела.

– Что?!

– Утром министр здравоохранения подал в отставку. Только что стало известно об его аресте.

– В чем его обвиняют, в убийстве?!

– Не теряй времени. Слушай. Они проведут обыск в посольском особняке. Я отказалась подписывать ордер, но они найдут кого-то поговорчивее.

– Но это... неприкосновенная территория. – Лео почувствовал, как немеет лицо. – Погромщиков они могли списать на случайность... Официальный обыск – значит объявление войны.

– У тебя есть несколько минут, чтобы самому найти предмет, который им нужен, – сказала Эльза.

– Орудие убийства, – пробормотал Лео.

– Идиот. – Эльза оскалилась. – Не орудие. В особняке хранится что-то настолько ценное, что наши перестали считаться с любыми приличиями. Ты, великий детектив, я тебя спрашиваю – что это?!

– Я великий детектив, – шепотом сказал Лео. – Ты сейчас зря иронизируешь.

* * *

На экран своего компьютера он вывел одновременно две оперативные записи. Первая была сделана Эльзой – через окно, камерой на палке-штативе. Снимая, великанша вглядывалась в малейшие детали, будто разбирая комнату на части, анализируя предмет за предметом: каждую пуговицу на черном пиджаке мертвого посла. Каждый корешок на полке книжного шкафа – в отдельности.

Лео документировал место преступления иначе. Взобравшись на стремянку, подняв камеру как можно выше, он пытался захватить в кадр сразу несколько предметов и сопоставить между собой: полка книг – целиком. Труп на полу – относительно стола и относительно окна. Окно – в сочетании с надорванной шторой и сломанной защелкой.

– Погоди. – Он считывал два видеоряда, чувствуя, как закипает в мозгу разрозненная информация.

– В чем дело? – спросила она ревниво. – Я не вижу ничего нового, что снимала я, что потом снимал ты...

– Ракурс, – сказал Лео.

Он выставил на двух половинках экрана два стоп-кадра – полки шкафа, снятые сверху и снизу.

– Разница в объемах, – после длинной паузы сказала Эльза. – Там дополнительное пространство, внутри.

Лео бросился к книжному шкафу. Понял, что не дотянется, и заново разложил стремянку. Сейф был отлично спрятан, обнаружить его было невозможно, не перетряхивая все книги одну за другой либо не сравнив два ракурса видеозаписи. И у этого сейфа не было кода – только скважина для ключа.

– В крайнем случае, – сказала великанша на экране компьютера, – чтобы избежать обыска, ты сможешь отдать им... просто отдай эту вещь.

– Эльза, – сказал Лео. – Я тебе очень благодарен за помощь...

– «Помощь»?! – Она оскорбилась.

– ...Но сейчас я отключаю связь. Это наше посольство и наши тайны.

Он успел увидеть, как она рывком приближает лицо к камере. Открывает рот, чтобы что-то сказать...

Экран погас.

* * *

– Вы знаете в этом здании каждую скрепку. – Лео кивнул на гору технических бумаг. – Где документы на сейф модели «62–12»?

– Их нет, – еле слышно сказал менеджер.

Он, казалось, трезвел с каждой секундой.

– То есть в кабинете посла установлен второй сейф – не задокументированный? Потайной?

– Совершенно... верно.

– И где ключ?

– У господина посла, – сказал менеджер тверже. – Он сам его хранил. Это его... личная собственность.

– Но я не нашел ключа, – сказал Лео. – Ни в кабинете, ни в спальне господина посла, ни в его карманах. У вас ведь есть дубликат?

– Нет, – пролепетал менеджер.

– Через несколько минут сюда явятся великаны, – сказал Лео. – Они проведут обыск, перед этим сняв с особняка крышу. И личный досмотр всех сотрудников они тоже проведут, под микроскопом. Вы сомневаетесь, что они отыщут ключ?

– Личный досмотр?! – слышалось от дверей.

Лео обернулся; повариха стояла, вцепившись в приоткрытую дверную створку, как если бы ее не держали ноги.

– Господин детектив... вы не можете этого допустить!

– Я не допущу, – мягко сказал Лео. – Ключ, пожалуйста. Вы знаете, где он?

Повариха поколебалась секунду, потом сунула руку в карман просторных рабочих брюк и вытащила маленький ключ на металлическом кольце.

Менеджер шагнул вперед, протянул руку, будто пытаясь остановить ее.

– Я никого не убивал!

– Мы с ним не спали вместе, – тихо сказала повариха. – То есть вообще да, но не в эту ночь... Он меня... уговорил солгать. У него нет алиби.

– Я не убивал, – с мукой в голосе повторил менеджер. – Когда я вошел... он был уже... мертвый.

* * *

Половину сейфа занимала шахматная коробка. По масштабам великанов – спичечный коробок.

Сюда же в беспорядке были заброшены шахматные фигуры – огромные, литые, со множеством деталей. Даже пешки были такими тяжелыми, что любая партия превращалась бы в силовую тренировку.

– Оружие, – пробормотал Лео, натягивая перчатки.

Металл, из которого была отлита белая ладья, потускнел от засохшей крови. Посла убили сувенирной шахматной фигурой, по весу сравнимой с гантелью.

– Он лежал здесь, – пролепетал менеджер. – Сейф был открыт. Шахматы частью в сейфе, частью на столе... Как если бы он решал шахматный этюд... Только ладья – на полу... Рядом с его головой...

– И вместо того чтобы немедленно поднять тревогу, вы...

– Я испугался! – Менеджер сцепил трясущиеся пальцы. – Сейф, шахматы... мой приговор. Их нет ни в одной описи. Я не должен был монтировать для посла этот тайник, это против

правил... Я увяз по уши. Посол мне угрожал... увольнением. Компрометацией. У меня семья, кредиты... И кое-какие грехи, я не святой... Вы же первый назвали бы меня убийцей!

– Но вы не убийца? – с сомнением спросил Лео.

– Я говорю – он был уже мертв! Тогда я решил... вывести себя из-под удара. Я убрал все фигуры обратно в сейф, сложил стремянку...

– И вы думали, их никто никогда не отыщет?!

Менеджер сцепил пальцы на груди:

– Я ждал, что посольство эвакуируют, особняк заперут... или вовсе развалят великаны. Я ждал, что начнется война. И война все спишет...

– То есть вы, – сказал Лео, – готовы были поставить мир на грань гибели, чтобы скрыть свои... грешки?

– Так это я главный негодяй?! – Менеджер задохнулся. – Я... всего лишь... а они... они были в сговоре! Они любовники, чтобы вы знали. И они изменники родины! Вот во что они меня втравили – а я понятия не имел в своей наивности! Я подслушал их разговор... случайно... накануне... – Он болезненно закашлялся. – Я знаю, кто убил посла, ну и поделом! Я не хочу быть их сообщником, не хочу. Я во всем признаюсь!

* * *

Секретарь говорил с большим трудом, его голос таял в воздухе, будто пар.

– Я понимал его побуждения... это были благородные... гуманистические идеалы. И с каждым днем... с каждой неделей его решимость крепла. Он говорил: невозможно, недостойно разрабатывать такое оружие. Которое поражает только великанов... но при этом не разбирает правых, виноватых... взрослых, детей... Видите ли, он считал великанов такими же людьми, как мы... и не притворялся. Даже и не надо ждать войны, он говорил. Если вирус «А» существует, синтезирован – рано или поздно его кто-то выпустит на свободу. И Альтагора опустеет... за несколько дней. Он точно знал, как это будет, и рассказывал мне в жутких подробностях. В муках, страхе, в отчаянии, они вымрут. Нам достанутся их огромные дома, их колоссальные шахты... которые нам не нужны. Но миллионы жителей Ортленда вздохнут свободно, зная, что больше ни одного великана на свете нет...

Секретарь посмотрел на свои руки, скованные наручниками.

– Он говорил о своих планах, что это милосердие. Что это наш долг... Когда я слушал его, я был его союзником. Но потом, каждый раз... я понимал, что это измена. Настоящая измена родине. Я уговаривал его остановиться. Каждый раз, когда он шел на прием, я ждал его обратно с ужасом. Я не знал, о чем он с ними разговаривает... боялся представить, что он им обещает. В тот раз... в последний. Он уехал на прием, а я пошел на корт, установил теннисную пушку, отбивал и отбивал мячи и мысленно говорил с ним, повторял все свои доводы, по кругу, еще и еще... А потом он вернулся, и я понял, что что-то случилось, но он не стал со мной разговаривать.

– Вы помогли ему добыть... информацию?

– Нет! – Секретарь подпрыгнул на стуле. – Я не имел к этому отношения. Я даже не знаю, как далеко он зашел в своих планах, удалось ли ему...

– Удалось, – сказал Лео.

* * *

Великаны прибыли через полчаса, и на этот раз не стали врываться, крушить и выламывать дверь. Лео получил вызов с канала, которым обычно пользовалась Эльза. На связь вышли

несколько собеседников – седой великан, лысеющий великан, пожилая великанша с брошью на платье и сама Эльза, страшно усталая, с кругами вокруг ввалившихся глаз.

– Господин детектив, мы так поняли, что сейчас вы принимаете решения в посольстве, – сказал седой великан. – В рамках оперативных мероприятий мы вынуждены санкционировать обыск здания. Просим сотрудников оставить на месте личное имущество и верхнюю одежду и переместиться в мобильный транспорт, который сейчас подадут.

Снаружи захрустело битое стекло под огромными подошвами. Кабина-переноска с внешней ручкой, как у корзины, опустилась перед крыльцом особняка.

– Представьтесь, пожалуйста, – кротко сказал Лео.

Седой великан на секунду опешил. Потом усмехнулся:

– Меня зовут Генрих Герт, я главный советник юстиции Альтагоры. Я прошу вас сотрудничать, во избежание эксцессов.

– Эксцессов трудно избежать, учитывая, что вы только что блокировали электронные каналы, лишив посольство связи с родиной и нашим правительством. Это очень недружественный жест. – Лео с сожалением покачал головой.

– Нам жаль, если он так истолкован, – холодно отозвался седой великан. – Но время идет. Мы стараемся избежать неэтичных и травмирующих решений. Вам не понравится, если вас будут хватать руками, не так ли?

– Прежде чем хватать меня руками, – сказал Лео, – вспомните о том, что обратный отсчет запущен, и война практически неизбежна. Я знаю, что именно вы надеетесь здесь найти... Да, то, о чем вы только что подумали, советник. Вы пришли за некоей вещью, которая, как вы думаете, поможет вам победить. У меня плохие новости – ее больше нет в доме.

У троих на экране изменились лица. Только Эльза смотрела непонимающе. «Она еще ничего не знает», – подумал Лео.

– Это уничтожил не я, – быстро сказал Лео. – Но я вам гарантирую – оно уничтожено. Исходите из этого и попытайтесь предотвратить войну – прямо сейчас.

– Мы все равно начнем обыск! – Пожилая великанша дернула уголком рта.

– Нет. – Лео посмотрел на нее через экран. – Это плохое решение. Хорошее решение – немедленно прекратить мобилизацию и подтвердить полнейшее миролюбие государства Альтагора...

Лысый великан отключил звук и связался с кем-то по телефону – Лео надеялся, что ради мирных переговоров, а не для немедленного штурма посольства.

– Обострение отношений между нашими странами случилось после смерти посла, – продолжал он нарочито неторопливо, с расстановкой. – Но, проведя расследование, я с ответственностью утверждаю, что ни спецслужбы, ни правительства Ортленда и Альтагоры не причастны к этой смерти. Это не провокация, и не нарушение договора, и даже не чья-либо личная месть...

Глядя сейчас на экран, Лео каждую секунду осознавал колоссальную разницу между собой и собеседниками, вопиющую разницу в масштабах. Их ноутбуки – размером с зал кинотеатра в мультиплексе. Брошь на плече пожилой великанши – как чеканный щит средневекового латника. Компьютер не уравнивает Лео и великанов, лишь создает иллюзию коммуникации, и Лео не может понять, что за мысли бродят в циклопических башках за маскообразными рожами.

Только Эльза казалась живой среди масок. Только ее лицо он мог выделить среди прочих. Он видел ее растерянность, горечь, удивление – и надежду.

– Я расскажу, как все было, – сказал Лео, обращаясь персонально к Эльзе. – Это займет всего несколько минут.

* * *

– Господин Андерс добыл сувенирный шахматный набор не вполне официально. Используя обходные каналы. Обратите внимание, какое тонкое литье, какая поразительная работа...

Лео повернул компьютер так, чтобы великаны видели и доску, и расставленные на ней фигуры.

– ...Как видите, шахматы имеют символическое значение – например, фигура короля стоит на постаменте в виде ладони и держит на ладони другую фигуру, миниатюрную. Сплошной символизм. Оба ферзя представляют собой женщин с этническими элементами в одежде, с характерными чертами лица, вот белый ферзь – большие скулы, тонкие губы, несколько скошенный лоб, – фенотип, характерный для народа Альтагоры. Посол приготовил шахматы в подарок министру и собирался доставить их на прием...

Четыре великана смотрели на него с монитора. Три чужака – и Эльза; страшное напряжение было в их глазах.

– Посол знал, что вирус «А» существует и что он будет применен рано или поздно. Используя связи в среде ученых... некую группу, которая теперь будет, увы, разоблачена... Он получил с дипломатической почтой кое-что. Давайте посмотрим на эту ладью...

Руками в перчатках Лео взялся за белую фигуру на левом фланге и с усилием повернул круглое навершие-башню. Ладья открылась, как термос, – она была полой изнутри.

– Две одинаковые ладьи разного веса, – сказал Лео. – Так я понял, что внутри у некоторых фигур, возможно, есть полости. Эту, монолитную, я с трудом могу поднять...

Двумя руками он приподнял и поставил обратно на доску ладью на правом фланге, со следами крови.

– Тайник? – отрывисто спросил седой великан. – Это было спрятано... в шахматах?!

– Тайник опустел, как видите.

– То есть теперь его содержимое хранится у вас, детектив. – Пожилая великанша хищно прищурилась.

– Нет. – Лео взял со стола канцелярскую папку. – Вернувшись с приема, господин посол спустился на кухню и спросил повариху, как включается духовой шкаф... Через несколько минут он умер.

Он замолчал, чувствуя, что ему изменяет голос. Взял чашку с водой и напился – в полной тишине.

– ...Повариха, пережив шок, пытаясь занять себя, затеяла выпечку. Перед тем как начать, она надежно вычистила духовой шкаф и выбросила пепел в контейнер. Этот маленький факт защищает ее от подозрений куда надежнее, чем фальшивое алиби...

Он достал из папки два обгоревших фрагмента – тончайший полупрозрачный пластик, неровные края, каждый лоскут размером с ладонь.

– С момента убийства мусор из особняка не вывозили. Я порылся в контейнерах и нашел вот это.

Он выложил фрагменты прямо на шахматную доску. На горелых лохмотьях с трудом можно было различить несколько символов и часть схемы.

– Что это? – тихо спросила Эльза.

– Вакцина, – сказал Лео. – Химическая формула. Была.

Ее глаза потемнели. Лео увидел, как отливает краска от ее лица, как оно делается белым, будто у сувенирной шахматной фигуры.

– Прости, Эльза, – сказал Лео, чувствуя, как нарастает звон в ушах. – Посол готовил для передачи либо готовую вакцину от вируса «А», либо финальные наработки, но с возможно-

стью быстро поставить производство на поток. Министр здравоохранения, вероятно, заранее подготовил техническую базу, он считал, что победа у него в кармане, но посол усомнился...

– Мелкие, мерзкие твари, – шепотом сказала Эльза. – Плесень. Убийцы.

Погас один из четырех экранов – лицо Эльзы исчезло. Осталось три: лысый великан, седой великан и пожилая великанша смотрели неподвижными оловянными взглядами.

– Усомнился, – повторил Лео механически. – Он...

И замолчал. Великаны ждали; у этих, в отличие от Эльзы, была железная выдержка.

– То, что вы расцениваете как подвиг и спасение целой расы, господа, – через силу проговорил Лео, – с нашей стороны выглядит как измена родине. Посол колебался, не мог принять решение. Явился на прием без подарка. Неизвестно, о чем они говорили с министром, но министр пришел в ярость... Все мы понимаем его разочарование и обиду. Когда министр так хватил кулаком по столу, что посла подкинуло на столешнице, будто лягушонка... Андерс Плот кое-что понял, господа.

Его собеседники молчали. Любой актер позавидовал бы столь драматичной паузе, но Лео меньше всего сейчас думал об эффекте. Ему надо было просто перевести дух.

– Слишком большая разница в росте, господа. Масштаб... С этим приходится считаться. Получив вакцину, Альтагора рано или поздно явилась бы в Ортленд. И мы оказались бы беззащитными. Поэтому...

Проще было бы дробить камни кувалдой под палящим солнцем, чем говорить эти слова.

– ...Поэтому, вернувшись с приема, посол сжег микропенки в духовом шкафу.

Снаружи, в комнате великанов, где стоял особняк, открылась дверь. Лео почувствовал, как тянет холодом из приоткрытой форточки. Трое с экрана молча на него смотрели.

– Кто-то пришел, – с тяжелым сердцем сказал Лео. – Теперь, когда вы знаете, что вакцины нет, – может быть, вы удержитесь от штурма посольства?

– Кто убил посла? – отрывисто спросил седой великан.

– Он умер от сердечного приступа, – сказал Лео. – Когда я получу результаты экспертизы... надеюсь, они подтвердят мои выводы.

– От сердечного приступа – с вмятиной в черепе, в луже крови?! – Пожилая великанша оскалила желтоватые зубы.

Снаружи тяжело ступал великан – один, насколько мог судить Лео. Пока что один.

– Андерс Плот тяжело переживал свою измену родине. – Лео усилием воли удержался, чтобы не обернуться к окну. – Состоявшуюся измену, хотя и не доведенную до конца. И свое предательство... новых друзей из Альтагоры. Понимаете, он предал всех и ничего не достиг. Шахматы жгли ему руки, он решил убрать их в тайник, поднялся на стремянку, но ему сделалось плохо. Может быть, он пытался позвать на помощь, а может, и нет. Мы знаем только, что он пережил сердечный приступ, упал и, уже падая, ударился головой о... вот об эту фигуру. – Рука Лео в перчатке остановилась в нескольких миллиметрах от белой ладьи. – Тем самым он пустил следствие по ложному пути. Впрочем, господа, он сделал это непреднамеренно...

Со звоном разлетелось стекло. Лео вздрогнул и обернулся; Эльза стояла рядом с посольским особняком на коленях и смотрела на него снаружи.

Одновременно вскрикнули великаны на мониторе. Впервые в жизни они получили такой опыт: увидели уроженку Альтагоры глазами Лео, через камеру на его ноутбуке. Огромная, чудовищная великанша заглядывала в комнату через окно. Лео видел свое отражение в бешеных, налитых кровью глазах. Ей достаточно было протянуть руку и шелкнуть пальцами, будто прогоняя назойливое насекомое.

Материализовался кошмар, который Лео видел в детстве. Стали реальностью глубинные страхи. Отступая, он потерял равновесие, взмахнул руками и упал – как накануне упал здесь посол.

Эпилог

– Я попросил вас о консультации, – сказал человек в дорогом костюме, – хотя это неприлично и не вполне соответствует правилам. Но, учитывая обстоятельства...

– Рад буду помочь, – радушно отозвался Лео.

Они сидели в кафе на крыше высотного офисного центра, на приватной террасе. Горизонт с этой точки зрения казался особенно далеким, а город – особенно прекрасным. «Люблю высоту», – подумал Лео.

В отдалении, в пригороде, маячило несуразное здание – небоскреб вне гармонии и пропорций. Там маялся, запертый в четырех стенах, посол великанов: на суровой диете. С жестким – вынужденно жестким – контролем потребленной воды. С мониторингом всех физиологических отправлений, чтобы не пострадала местная канализация... «А ведь им хуже у нас, чем нам у них», – с неожиданным сочувствием подумал Лео.

– Я, как вы знаете, завтра отбываю в Альтагору, – сказал его собеседник и поправил очки в тонкой оправе. – После всего, что случилось, мне предстоит особая миссия...

Он замолчал и посмотрел выжидательно. Где-то внизу ворковали голуби.

– Да, нелегкая работа, – согласился Лео. – Но очень важно, чтобы в посольстве на Альтагоре постоянно жили наши сотрудники, это доказательство добрых намерений, прочного мира между двумя странами...

– Заложники, – грустно пробормотал его собеседник.

– Не надо так печально, – сказал Лео. – Важно, чтобы с вами рядом работали люди, которым вы доверяете. Вместе легче перебороть тоску по родине.

– Да уж, да уж, – грустно покивал человек в дорогом костюме. – Вероятно, Андерс Плот умер от тоски, не выдержало сердце... – Он бросил острый взгляд через стол. – А знаете, ведь обстоятельства его смерти столь глубоко засекречены, что даже я... даже мне не сказали... всего. Возможно...

Он вопросительно замолчал.

– О нет. – Лео грустно улыбнулся, отхлебывая кофе. – Я знаю не больше вашего. Экспертиза выявила обширный инфаркт, увы. В штат посольства добавлена должность врача, чтобы предупредить трагедии в дальнейшем. Занимайтесь спортом, ведите здоровый образ жизни... Вот как я. Я сегодня уже пробежал десять километров.

– В той книге, что вы написали, – сказал его собеседник, – есть много полезных советов, в том числе о физкультуре. Прекрасная книга, очень мотивирующая!

– Я рад, что вам понравилось. – Лео посмотрел на хронометр с секундной стрелкой, надетый специально по случаю встречи. – Прошу прощения, я вынужден идти. Искренне желаю вам удачи в должности посла в Альтагоре!

* * *

Его маленькая квартира в историческом центре города давно нуждалась в ремонте, паркет растрескался, обои потускнели. Лео никогда не обращал внимания на такие мелочи, но сегодня вдруг призадумался. Что, если освежить краску в ванной? Или поменять шторы? Если не замахиваться на подвиги – может быть, хотя бы заказать новое офисное кресло вместо старого, клочковатого, будто линяющая змея?

Он никогда не вешал на стены ни картин, ни украшений. Самой стильной и удобной вещью в его доме была беговая дорожка, тренажер. Отчего именно сегодня ему захотелось что-то поменять?

Странные мысли рассеялись так же скоро, как и нахлынули. Лео сел к столу и улыбнулся: заранее планировать ничего не надо. Пусть все идет, как идет.

Он просматривал варианты отелей у моря, когда пришел международный вызов. По личному каналу. Лео не стал отвечать, как и вчера, но она опять перезвонила. И еще раз.

– Алло, – сказал он, не подключая камеру.

– Привет, – хрипло и как-то очень растерянно заговорила Эльза. Она, кажется, уже не верила, что он отзовется.

И возникла на экране – скуластая, бледная и очень сосредоточенная. Совсем не похожая на злобную великаншу, глядящую в окно посольского особняка.

– Ты в курсе, какой счет тебе выкатят за международный разговор? – Лео поморщился.

– И я его оплачу, – сказала она отрывисто. – Включи камеру! Пожалуйста...

Он вздохнул и выполнил ее просьбу.

– Лео, – сказала Эльза на экране. – Я хочу объясниться.

– Я и так все знаю.

– Нет, не знаешь. – Она смотрела ему в глаза. – У нас в школе с третьего класса и до выпуска... были обязательные занятия по гражданской обороне. Висели плакаты в коридорах. Очень страшные. Каждый месяц – учебная тревога. Вирусная опасность. Правила поведения. Что делать, если родители умирают. Как выявить симптомы, куда идти, как поступать, если ты уже заражен...

– Эльза...

– Ты можешь меня выслушать?! Когда я поняла, что формула вакцины была совсем рядом... Формула спасения. Отмены кошмара. Освобождения. Андерс Плот мог спасти нас, всех – виноватых, невиновных, детей, стариков... Но не стал. Когда я это поняла, со мной случилась истерика, Лео.

– Я заметил.

– Я знаю, что виновата. Ты не желаешь зла Альтагоре. Ты лучший в мире детектив. Я напрасно тебя обидела... Лео, если бы у тебя была вакцина на руках, ты передал бы ее нам – или уничтожил?

Она выпалила свой вопрос и уставилась на него через монитор, требовательно и одновременно умоляюще.

– Я понимаю, почему ты звонишь и чего от меня хочешь, – сказал Лео. – Но я не стану врать, что передал бы. И не стану лгать, что уничтожил бы. Пойми, один акт шпионажа – не панацея. Рано или поздно вакцину создадут в ваших лабораториях. А наши синтезируют другой вирус. И так без конца. Пока есть Ортленд и есть Альтагора, будет вечное противостояние, и выкинь из головы подростковые этические дилеммы... Все, ты разоришься со стоимостью связи. Удачи, и спасибо за наше сотрудничество.

– Подожди, – проговорила она быстро. – Не разорюсь, не твоя забота. Считай, что я пригласила тебя в кафе и оплатила ужин...

– Что?! – Он поперхнулся.

– Я не знаю, как еще сказать, – сказала она, и он с огромным удивлением увидел, что она совсем юная, что она краснеет от смущения, как девчонка. – У меня тут новое дело об убийстве, очень сложное. Может быть, ты проконсультируешь?

Конец первой части

Часть вторая. Кукольная трагедия

Глава первая

В шесть утра мама, как обычно, уже сидела перед телевизором, она всегда просыпалась очень рано и первым делом проверяла, что творится в мире. Точнее, что творится в новостных комнатах мировых информационных агентств.

– Присмирели букашки-то, – сказала в ответ на Эльзино «доброе утро». – Мира, видишь, хотя. Их новый посол такую сладкую речь сказал, хоть вместо меда ешь. А я говорила, надо с ними построже. Глядишь, и умиротворится международное положение.

Эльза тысячу раз говорила маме, что слово «букашка» за версту отдает расизмом и его лучше не произносить. Мама, выслушав, всякий раз отвечала, что во времена ее молодости вещи принято было называть своими именами и никакого оскорбления в слове «букашка» нет, это означает «очень маленький», а кто может утверждать, что эти ребята большие? Эльза знала, что мама ни разу в жизни не видела живьем уроженца Ортленда, и, скорее всего, не увидит, и ей не представится случай шокировать его своей неполиткорректностью.

В семь утра, ни секундой позже, Эльза всегда прыгала с бортика в бассейн, третья дорожка, скоростная. Для нее это было любимое время суток – только движение, невесомость, только вода, зеленоватая сквозь стекла очков, и направляющая линия на белом дне бассейна. В эти полчаса Эльзе думалось лучше всего...

...Но не сегодня. Сегодня, поднимая брызги, будто лодка на подводных крыльях, Эльза чувствовала совершенную пустоту. Как если бы внутри купальной шапочки вместо головы помещался кочан капусты.

Фридрих Найт, чиновник в Министерстве образования, сорок два года, разведен. Заведующий Департаментом цифрового развития. Автор государственной программы «Компьютер для каждого школьника». Горячий противник сотрудничества с Ортлендом в области технологий. «Сделаем сами» – таков был его девиз, хотя уже во времена детства Эльзы электронная промышленность Альтагоры отстала от Ортленда безнадежно. «Обратимся к нашей сильной стороне – к механике, – говорил Фридрих Найт. – К тому же аналоговые компьютеры неуязвимы для вражеских вредоносных программ».

Ему прочили пост министра, человек был яркий, талантливый и очень энергичный. Трижды в последний месяц платил штрафы за превышение скорости на трассе и, пожалуй, на четвертый раз был бы лишен прав – если бы машина не сошла на повороте с дороги и не свалилась с обрыва, и чудом не взорвалась, впрочем, Фридрих все равно погиб...

...Причина смерти – утопление.

Эльза оттолкнулась от бортика и глубоко нырнула, глядя, как играет солнце в толще воды. Тот, кто усадил чиновника за руль и завел мотор, рассчитывал на взрыв, конечно. У Фридриха были враги и были недоброжелатели, в том числе влиятельные. Но утопить человека, чтобы затем имитировать авткатастрофу?!

Эльза вынырнула, фыркнула и поплыла дальше, чувствуя, как уходят зажимы из шеи и позвоночника. Нет ни единого доказательства, что убийство связано с Ортлендом, почему же Эльза не может отделаться от этой мысли? Или ей просто нужен был повод, чтобы позвонить Лео Парселю?

Она хлебнула воды и закашлялась. Остановилась и пропустила вперед соседа по дорожке, мускулистого и глянцево-лысого, вот у кого нет проблем с резиновыми шапочками. Погибший Фридрих Найт был тоже лыс, за большие уши прозван «вертолетом» – естественно, в глаза его никто так не звал...

У Лео Парселя жесткие темные волосы, одна прядь вечно падает на лоб, и Ортленд не имеет отношения к убийству чиновника. Не имеет.

Эльза вскарабкалась по лестнице на бортик, все еще откашливаясь и вытирая лицо. Конечно, Лео было неприятно ее видеть после инцидента в посольском особняке. Лео отказался сотрудничать, он в своем праве, и это к лучшему, потому что Эльза так и не придумала, как объяснить своему начальству необходимость привлечения букашки к расследованию...

...Ну вот, прекрасно, спасибо, мама. Теперь это слово привязалось еще и к Эльзе, а она, вообще-то, официальное лицо, и, общаясь с подчиненными или журналистами, может забыться и ляпнуть. А ведь известно, что аналитики Ортленда обожают просматривать пресс-конференции Министерства обороны Альтагоры, в особенности – сыскного отдела...

Пошатываясь, она вышла из бассейна в душевую – на три минуты раньше, чем обычно. Надо спешить; ей предстоит опросить сегодня множество важных и занятых людей.

* * *

– Нет, я его не убивал и не платил за его смерть. Да, я, вероятно, займу его место во главе департамента. Что еще вы желаете знать?

Под взглядом господина старшего методиста Эльза чувствовала себя школьницей в кабинете директора. Как же глубоко въелся этот страх: уже и в армии она отслужила, и на юрфаке отучилась, и доросла до майорской должности, и раскрыла десятки сложных дел, но от знакомых интонаций хочется уткнуть глаза в пол, покраснеть и извиниться.

– Когда вы виделись с погибшим в последний раз? – Эльза надеялась, что на лице ее мысли не отразились.

– В день его смерти. – Методист прищурился. – На совещании. Да, у нас случился конфликт в присутствии нескольких десятков людей. Вернее, это давний конфликт, позавчера мы просто... открыто высказали друг другу претензии. Идея массового снабжения школ «аналоговыми компьютерами» виделась мне – и видится до сих пор – колоссальной аферой. Господин Найт был идеалистом, его-то в корысти я не подозреваю, но вот исполнители...

Он поморщился, как от гнили, и покачал головой.

– ...Исполнители радостно освоили бы любые суммы, это же ненасытная утроба. «Аналоговые компьютеры» – рухлядь. Если мы хотим нормально учить детей, нужны современные устройства, а значит, на базе технологий Ортленда. А значит, мы должны покупать у них лицензии, воровать, развивать, использовать...

Он двумя руками, с усилием поднял предмет, лежащий перед ним на столе, и Эльза только сейчас поняла, что это железнодорожный контейнер размером с обувную коробку. Синий, металлический, с затейливыми логотипами на боках.

– Знаете, что это? Это их оригинальные жидкокристаллические экраны, не экспортный вариант, а для внутреннего использования. У них строгое таможенное законодательство, но везде можно найти лазейки! Анализируя вот эти маленькие штучки, мы сможем выучиться и в будущем развивать электронную промышленность. Учитывая преимущество, которого добились букаш...

Он закашлялся, подозрительно глядя на Эльзу.

– Взять хотя бы недавний дипломатический кризис, – заговорил тоном ниже. – Начнись война – что мы сможем противопоставить? Наши специалисты по компьютерной безопасности не справляются с фишинговыми программами на собственных устройствах. Не потому, что они глупее, а потому, что их не учили, у них нет опыта. Хорошо, что кризис благополучно разрешился, но надолго ли?

– Вас послушать, – холодно сказала Эльза, – так убийца прямо-таки осчастливил Альтагору, прикончив Фридриха Найта, дурака и вредителя.

– Я так не говорил. – Господин методист доверительно улыбнулся. – Вы уже встречались с его женой? Бывшей, я имею в виду? Вы знаете, до чего они друг друга ненавидели?

* * *

– Вы замужем? – спросила полнеющая женщина с пронзительными глазами и властным напомаженным ртом.

– Какое это имеет значение? – удивилась Эльза.

– Тогда вы вряд ли поймете, – сказала разведенная госпожа Найт. – Я потрясена его смертью... но он уже умер в моих глазах раз пятнадцать, по ходу развода. Фридрих, – она прищурилась, будто муж возник сейчас перед ее внутренним взором, – при всем своем внешнем благополучии... был психопат. Самодовольный, эгоистичный, столь же способный к сочувствию, как чугунная сковородка. Два года после развода мы не общались вообще, он ничего не спрашивал о детях. И только месяц назад... удивительно, но он позвонил. Мы встретились. Мне показалось, он изменился. Стал как-то... человечнее. В день своей гибели он собирался в школу к детям, на праздничный концерт – чуть ли не впервые в жизни. Днем позвонил и сказал, что не приедет. Был очень расстроен, голос дрожал. Это было сразу после обеда...

Госпожа Найт замолчала, Эльза увидела, что она сожалеет о гибели бывшего мужа даже больше, чем может себе признать.

– Поговорите с его психологом, – сказала женщина. – Мне кажется, именно этот человек... помог Фридриху перестать быть свиньей. Ну, в значительной степени.

* * *

– Пожалуйста, присаживайтесь, майор...

Чтобы поговорить с Эльзой, психолог задержал прием пациентов. Прямо сейчас в приемной сидела миловидная девушка с заплаканными глазами и ждала, пока доктор выполнит долг перед следствием.

– Я вас надолго не задержу, – сказала Эльза. – По данным телефонного провайдера, погибший господин Найт звонил вам в день гибели – дважды.

– Совершенно верно. – Психолог кивнул. – В первый раз он попросил о срочной консультации... подробнее не могу, простите, есть врачебная тайна. Второй раз он сказал, что сегодня не сможет приехать, и перенес встречу на другой день. Больше я с ним не разговаривал.

– Он говорил вам, что не пойдет на школьный концерт?

Психолог кивнул:

– Да, собственно, вокруг этого все и вертелось... Он пытался наладить отношения с детьми и не был уверен, что правильно себя ведет. Я дал ему несколько советов...

Он замолчал, болезненно нахмурившись, и откинулся на спинку стула. На полке над его головой помещалась на подставке модель старинного корабля – огромная и такая подробная, что казалось, крохотные матросы в светлой полотняной одежде вот-вот полезут убирать шелковые паруса. Что-то умиротворяющее было в этом корабле. Зов детства? Ветер дальних странствий?

Эльза выдержала тактичную паузу, прежде чем заговорить снова:

– Он сообщил вам по телефону, куда собирается ехать?

Психолог с сожалением покачал головой:

– Видите ли, мы с ним не говорили о его нынешних делах, обязанностях в министерстве, деловых встречах и конфликтах. Мы говорили... о его детстве, юности, снах, страхах... Вряд ли я смогу вам помочь.

– Его жена, – сказала Эльза, – уверена, что в последний месяц он стал... мягче и счастливее. Помогла терапия?

– Возможно. – Психолог кивнул. – Жаль, что мы не успели пройти с ним курс до конца... И он снова задумался, сдвинув брови, болезненно морщась.

* * *

После обеда она сидела у себя в кабинете, тесном, больше похожем на подсобку, и, закинув на край стола ноги в тяжелых башмаках, изучала отчеты следователей.

Утро накануне гибели Фридрих Найт провел в своем министерстве, и свидетели утверждали, что вопли, доносившиеся с рабочего совещания, были слышны даже на подземной парковке. Никого это особенно не смутило – господа чиновники всегда так совещались. Человек, убежденный в своей правоте, и говорить должен громко. Пусть шепчутся и мямят те, кто в себе не уверен.

После совещания Фридрих навестил буфет и выпил кофе со сливками. Заместителю сказал, что отправляется на личную встречу, подробностей не сообщил. Все участники скандального совещания остались на рабочих местах и пробыли в трудах до самого вечера, а некоторые, как господин старший методист, заработались и допоздна.

Фридрих заехал домой и совершил три звонка по домашнему телефону – психологу, бывшей жене, опять психологу. Через полчаса его машина снова выкатилась из гаража. Еще через пятнадцать минут попала в поле зрения камеры на шоссе. Камера зафиксировала незначительное превышение скорости.

Следующим, кто встретил господина Фридриха, оказался патрульный рядом с искореженной машиной, потом полицейские, криминалист и патологоанатом. Лицо погибшего было разбито, но не при крушении. Кулаки в ссадинах, под ногтями фрагменты чужого эпителия – он сражался. Хрящи ушей повреждены – но не в драке.

Его топили, за уши удерживая под водой.

– Я найду тебя, сука, – сказала Эльза вслух.

До встречи с Лео Парселем она была уверена, что сочувствовать жертве непрофессионально. Но Лео не боялся и не стеснялся проявлять эмоции. Почему Эльза должна притворяться бесстрастной?

Потирая переносицу, плотно сжав зубы, она просматривала оперативные фотографии: костюм погибшего сухой и чистый. Часы на запястье работают, механические часы, в воде бы они наверняка остановились. Бумажник в кармане пиджака, внутри пара мелких купюр и кредитки. Никаких следов грабежа. В кармане брюк телефон – самый простой, отечественный. Фридрих Найт был умен и последователен, он избегал в быту технологий Ортленда, поэтому отследить его перемещения при помощи телефона теперь невозможно.

Есть только данные провайдера. Фридрих не звонил и не получал звонков с тех пор, как около трех часов вышел из дома.

Эльза поймала себя за тем, что ковыряет в носу, и быстро отдернула руку, хотя в кабинете сидела одна. Старшее поколение не стесняется естественных жестов и звуков, но Эльза постановила себе отучаться. Жителей Ортленда это шокирует.

Она взяла из папки следующую бумажку: еще одна экспертиза. В дыхательных путях погибшего обнаружена вода с фрагментами тины. Его утопили не в ванне и не в бассейне, а в естественном водоеме, которых за окружной дорогой пруд пруди. Эльза кисло улыбнулась. Она приучала себя быть остроумной. Даже в мыслях. Даже если дело идет о трупе. Впрочем, есть такие дела, что без шуток рехнуться можно.

Еще документ: осмотр машины. Фотографии: груды развалин, полностью смятый капот. Невозможно выявить чужие отпечатки, если они были. Хотя эксперты Ортленда, подумала Эльза с досадой, наверняка отыскали бы зацепку.

– Дался мне этот Ортленд, – сказала она вслух. – Дался мне этот Лео...

Она задержала взгляд на одном из кадров: странные царапины на задней двери машины. Явно свежие, но выбивающиеся из логики аварии. Деталь, которая должна о чем-то сказать Эльзе, но, к сожалению, ни о чем не говорит.

Записи с камеры у входа в квартиру погибшего: никто не переступал порога в отсутствие хозяина. Отчет об обыске: господин начальник департамента в быту был аскетичен, питался просто, одевался партикулярно, алкоголь не употреблял. Никаких записок либо знаков, где его искать в случае исчезновения, по себе не оставил.

Эльза вздохнула. Почти машинально открыла сохраненную на экране вкладку: «Лео Парсель. Сто невозможных расследований». Было время, когда, едва начав читать эту книгу с любого места, Эльза не могла остановиться, пока не доходила до конца главы либо пока не зазвонит телефон...

Прозвучал вызов на компьютере. Поверх текста открылось окно мессенджера, и незнакомый международный номер – несколько строчек символов! – предложил Эльзе вступить в диалог непонятно с кем.

Она ответила, не включая камеру, и правильно сделала: увидев на экране, кто звонит, она невольно изменилась в лице и не хотела бы, чтобы он заметил.

– Привет, – сказал Лео Парсель, у него был мягкий, чуть хрипловатый голос, ничего общего не имеющий с мышиним писком, который издают жители Ортленда при общении вне компьютерной связи. – Я тут подумал, что, кажется, тебя обидел. Решил извиниться.

– Ты разоришься на связи, – сказала Эльза, надеясь, что ее голос звучит невозмутимо. – Мне за прошлый звонок знаешь какой счет пришел?

– А это корпоративный номер, – он чуть улыбнулся, – специальный тариф. И заплатит наша прокуратура.

– Ого, – пробормотала Эльза. – А что, так можно?

– Как видишь. – Он откинулся на спинку своего кресла, Эльза увидела за его спиной тренажер – беговую дорожку напротив окна, а за окном, если присмотреться, – зеленые верхушки деревьев. Очень далеких, очень чужих деревьев, которые Эльзе пришлось бы по колено.

– Ты меня не обидел, – сказала Эльза медленно. – Моя идея... так себе. Наши все равно не дадут тебе допуск к материалам следствия.

– Ты сейчас манипулируешь, да? – Он потянулся и закинул руки за голову, светлая футболка облегла атлетические мышцы груди, Эльза отвлеченно подумала, что это рельеф не штангиста, а, скорее, гимнаста. – Ты намекаешь, что меня не допустят, чтобы я захотел и стал напрашиваться?

– Да, – сказала она безнадежно. – То есть нет. Но это не имеет значения, ты же все равно на каникулах.

– Никак не выберу, куда поехать на курорт. – Он вздохнул. – Кстати, камеру-то включи. Или ты в огуречной маске?

– Я на работе. – Она криво ухмыльнулась.

Ей показалось – или он обрадовался, увидев ее лицо на экране?

– Видишь ли, – он глядел сейчас, кажется, прямо ей в глаза, – мы с тобой случайно стали свидетелями исторических событий... Точнее, мы их сделали. Но после того как чуть не грохнула война, маятник качнулся. Наши правительства прибавляют слово «мир» к любой официальной фразе и неофициальной, и, если бы правительствам по какой-то причине надо было отпрашиваться в туалет, они бы обосновали это «мирным урегулированием» и «дружественной инициативой». Поэтому прокуратура выделяет мне безлимитный канал связи с Альтагорой.

– А не потому, что ты звезда?

– И поэтому тоже. – Он не стал спорить. – Твое начальство, проконсультировавшись наверху, даст мне допуск к делу, Эльза. В духе нынешних времен – сотрудничество. Мне нравится, а тебе?

– Ты приедешь? – вырвалось у нее.

Он поморщился, всего на долю секунды, но это ее болезненно поразило.

– Нет, – сказал тоном, не терпящим возражений. – С меня хватит, извини. Есть защищенный канал связи. После того как будут решены формальности, сбрасывай мне материалы. А я буду подкидывать тебе идеи.

«Ну и к лучшему, – мрачно подумала Эльза. – Лео – вот этот, что смотрит сейчас с экрана. А не букашка размером с палец, которая пищит и боится, чтобы к ней притронулись. И которую к тому же надо постоянно защищать».

Ей вспомнился посольский особняк – кукольный домик, яркий свет прожектора и Лео на пороге, ростом как полкарандаша, и он стоит и смотрит на толпу погромщиков и говорит с ними, а они сейчас кинутся на него и раздавят...

Эльза тогда успела встать между погромщиками и Лео. Если бы не подоспели спецназовцы – ей бы тоже не поздоровилось.

– Формальности я решу по ходу, – сказала она небрежно. – Мое звание предполагает... короче, я тоже начальница. Учти, что дело почти абсурдное, документов много, информации ноль.

– Отлично, – отозвался он с плотоядной ухмылкой. – Ты украшаешь мой отпуск, Эльза. Странно, но ей сделалось легко и даже весело.

* * *

– Наконец-то ты похожа на девушку, – сказал отец за ужином. – Улыбаешься. И даже брови, кажется, выщипала.

Эльза простила родителям их крайне устаревшие взгляды на жизнь. Все равно она их любила.

– Купи себе платье, – неуверенно предложила мама. – Тебя ведь премировали за прошлое дело, так? Потрать хоть немного на себя...

Эльза представила, как она входит в анатомичку в белом платье в горошек, с пышной юбкой и рукавами пуф.

– Да, ма. Как только будет время.

Она прислушивалась к мессенджеру, хотя ждать звонка было рано. Слишком много она ему сбросила, завалила горой документов, картинок и описаний, утомительных в своей педантичности. Море деталей, скрывающих главное.

Единственное, что она не решила отправить, – свои предварительные гипотезы. Она побоялась выглядеть глупо в его глазах: чиновника затащили голышом в пруд и за уши удерживали под водой, пока тот не захлебнулся. Утопив, одели заново, застегнули на запястье ремешок часов, усадили в машину...

– Ты с кем-то познакомилась? – Мама выставила на стол фарфоровую супницу. – Такое впечатление... он тебе нравится, да?

– Он очень... своеобразный, – призналась Эльза.

– Тридцать два, – сказала мама, поднимая крышку и задумчиво приносиваясь к ароматному пару над супницей. – Тебе тридцать два года... Он моложе тебя или старше?

– Понятия не имею, – призналась Эльза. – Не моложе, это точно.

– И у него нет семьи? – в голосе мамы прозвучала забота пополам с жалостью.

Запищал вызов мессенджера, Эльза подскочила, как на батуте. Родители переглянулись за ее спиной – Эльза увидела их отражения в полированной стенке буфета.

– Твоего чиновника, – сказал Лео на экране, – утопили в аквариуме.

Он сделал коротенькую паузу. Эльза открыла и закрыла рот, оценивая его слова.

– ...Поэтому тина в дыхательных путях, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Нитчатые водоросли, у нас они тоже есть, но других видов, конечно. Преступников двое, из них один – очень крупный, здоровяк, даже по вашим меркам. Желая избавиться от тела, мертвеца усадили в машину и загнали в фургон-эвакуатор. На вершине холма вручную выкатили из фургона, завели мотор и отправили в последний путь с полным бензобаком. Если бы машина взорвалась – хрен бы тебе, а не дело об убийстве... Отсмотри данные с камер, где-то на перекрестке он должен был засветиться. Найдешь фургон – найдешь и мастерскую, к которой он приписан. А где-то там, внутри, найдешь и аквариум, если его до сих пор не слили...

– А мотив? – быстро спросила Эльза.

– Не знаю, – признался Лео. – Мне кажется, что убийство спонтанное, а не предумышленное. Хотя чиновник мутный. Я почитал его досье... он получал выплаты от вашего правительства на развитие аналоговых компьютеров. Может быть, не поделил с кем-то государственные гранты. Я в этом не очень разбираюсь, у вас же другое законодательство...

Эльза почувствовала благодарность пополам с раздражением. Прямо у нее на глазах, небрежно и мимоходом, была написана новая глава «Ста невозможных расследований». Интуитивно, как птичка порхает. В этом весь Лео Парсель.

– Ты потрясающе видишь детали, – сказал он, глядя на нее с той стороны экрана. – Например, характерный рисунок царапин на задней двери. Машина разбита в хлам, но ты видишь свежие царапины и заключаешь, что к самой аварии они не имеют отношения... Я сразу вообразил, как наши фигуранты выкатывают машину из эвакуатора и в спешке обдирают ей бок. Чистое творческое удовольствие, спасибо, Эльза.

Ее раздражение растаяло, она поняла, что сейчас покраснеет, и будто невзначай потерла щеки ладонями.

– Ладно... Но зачем такие сложности, зачем топить в аквариуме?!

– Спросишь их, – сказал он серьезно. – Когда найдешь.

* * *

– ...Вскрывайте ворота.

Маленькая автомастерская на окружной дороге обнесена была высоченным забором, замок на воротах пришлось вырезать автогенном. Двор оказался пустым, дальние углы поросли травой, у входа висел на столбе старинный телефон-автомат. В глубине участка, за гаражом и сараями, помещался двухэтажный дом – он же офис под линялой вывеской.

Пустой фургон для перевозки неисправных машин стоял в открытой двери гаража. На борту был простенький логотип – гаечный ключ и колесо. По этому-то логотипу, отлично видимому в записи с камер, его и вычислили так быстро.

– Поднимите руки и выходите!

Тишина. Дверь офиса слегка приоткрыта.

Внутри, казалось, не было вещи, оказавшейся на своем месте: кресла сдвинуты и опрокинуты, диван на боку, ковер сбит складками, осколки настольной лампы на полу. Единственным целым, невредимым и неподвижным объектом посреди хаоса оказался аквариум – огромный, как шкаф, и мутный, как пыльная буря.

Полицейские водили стволами пистолетов – небезопасно и бессмысленно, ведь ясно уже, что в доме никого нет. Но что-то зависло в воздухе этой комнаты, Эльза чувствовала неуло-

вимый смрад, тень, вибрацию. Не прямая угроза – но очень, очень скверная новость, и Эльза узнает через несколько секунд...

Она подошла к аквариуму.

На зеленоватой поверхности плавала спиной вверх фигурка – похожая на куклу. В нарядном платье с оборками.

И это была не кукла.

* * *

Личность? Невозможно установить. Возраст? От двадцати пяти лет до тридцати, точнее сложно сказать. Время смерти? От нескольких часов до нескольких суток, эксперты никогда не работали с телами уроженцев Ортленда. Ссадина на лбу. Сбитые пятки. На ладонях порезы, по всему телу мелкие синяки. Причина смерти? Утопление.

Женщина лежала на предметном стекле, безучастная, ростом с палец – но так не похожая на игрушку, что Эльза скрипнула зубами.

– Укройте ее, что еще вы хотите увидеть?!

Эксперт отодвинул микроскоп. Погасил яркую лампу. Накрыл белую фигурку бумажной салфеткой.

Генрих, главный советник юстиции, взялся за чисто выбритый подбородок, будто желая проверить, крепко ли держится челюсть. Тильда, замминистра обороны, с усилием выпрямилась в кресле, развернула массивные плечи.

– Как. Это существо. Могло попасть. В Альтагору? Без документов. Без транспортных протоколов. Вне связи с их посольством. Как?!

– Это не существо, – сказала Эльза.

– О, вы их любите, – с отвращением протянула Тильда. – Представляю, что будет, если в Ортленде узнают... что их соотечественница плавает тут в аквариуме, одетая в кукольное платье. Почему при ней нет ничего, положенного по международной конвенции: ноутбук для связи, специально оборудованного помещения-бокса, багажа...

– Все это блекнет ввиду того, что она мертва, – тихо сказал Генрих.

– Эльза. – Старуха прищурилась. – Твой детектив знает, что случилось, или нет?

– Он знает о гибели Фридриха Найта. – Эльза спокойно ответила на ее взгляд. – И я считаю наше сотрудничество с господином Парселем исключительно продуктивным...

Она чуть было не продолжила: «Это Лео раскрыл убийство чиновника», но прикусила язык. Во-первых, не стоит принижать перед ними собственные заслуги, во-вторых, пока подозреваемые в бегах, о результате говорить рано. В-третьих, появление новой жертвы все ставит с ног на голову. Взгляд Эльзы, как приклеенный, вернулся к телу под бумажным платком.

Генрих, будто опомнившись, кивнул эксперту. Тот двумя руками взял цинковый поддон и вышел, держа свою ношу перед грудью, буднично и вместе с тем торжественно, как траурная процессия. Эльза проводила его взглядом.

– Надо бы тебя отстранить от расследования, – задумчиво проговорил Генрих.

– На каком основании?! – Эльза резко к нему обернулась. – Это что, демонстративное выражение недоверия?!

Не так давно ее уже отстраняли. И вся ее карьера болталась на волоске, но Эльзе, конечно, было плевать, потому что на ниточке висела судьба человечества. В какой-то момент, потеряв самообладание, Эльза едва не погубила и себя, и Лео, и весь мир в придачу, а о том, чтобы сохранить карьеру, и речь не шла. Но Лео в тот раз оказался прав, а идея пригласить его была целиком заслугой Эльзы. И когда тень войны отступила, Эльза обнаружила себя в прежнем звании, да еще и с почетной грамотой.

Хотя кого-то другого, конечно, за такую операцию повысили бы по службе.

– На каком основании, – повторила она с показным спокойствием, тренируя выдержку, извлекая уроки из прошлых ошибок, – вы собираетесь меня отстранить?

Генрих положил большие руки на стол, ладонями вниз.

– Формальных оснований нет. Но... ты можешь взять самоотвод и выйти из дела. Тебе же легче – не иметь отношения к этой дерьмовой истории.

Он говорил так спокойно и убедительно, что Эльза на секунду задумалась. Ведь что проще – согласиться с ним сейчас. Взять другое дело, нейтральное, безопасное, и привлечь к нему Лео. Или не привлекать. В конце концов, он же в отпуске...

– Есть другой выход, – услышала она свой голос. – Я согласна, что дело дрянь. Но отношения с Ортлендом именно сейчас дают надежду... на сотрудничество. Мы можем просто связаться с ними и поставить в известность, что произошла, вероятно, трагическая случайность. Попросить помощи в расследовании...

Тильда привычным движением поправила брошь на плече. Она носила эту брошь с любой одеждой, не снимая. Прикосновение к броши было знаком раздражения и гнева – единственным видимым знаком, потому что взгляд Тильды не изменился и ни один мускул не дрогнул.

– Мило, трогательно. Помощь в расследовании... Эльза, ты соображаешь, что говоришь?! В прошлый раз нам еле-еле удалось убедить их, что не мы убили посла. Но эту-то девушку кто убил?! Мы! Кто-то из наших соотечественников! С особым цинизмом! Ее избили, нарядили в грязное кукольное платье и утопили в аквариуме, а ты расскажешь им, что это трагическая случайность?! Они, может быть, сделают вид, что поверили, но через пару дней мы убедимся, что полным ходом идет вирусная атака...

– Тильда, это паранойя, – сказал Генрих и низко склонил седую голову. – Просто так массовую атаку они не начнут. Хотя... если только...

– Что? – Тильда остро на него посмотрела.

– Если, – будто через силу заговорил Генрих, – если у них есть техническая возможность забрасывать к нам своих так, чтобы мы ничего не видели... То сколько этих... их... может быть на нашей территории?!

– А вот это точно паранойя, – сказала Эльза, грубо нарушая субординацию. – Они ходят по магазинам, скупая кукольные платья?

– Мы понятия не имеем, как ее к нам забросили. – Генрих посмотрел укоризненно, но одергивать Эльзу не стал. – Может, мы пеленгуем их средства связи? Нет, они работают на частотах, которые нам недоступны. У них есть оружие и аппаратура, которые нам невозможно разглядеть без лупы. Что, если в кукольном платье она пошла на задание, чтобы в случае обнаружения... как это и случилось... при ней не нашлось никаких доказательств их вмешательства? Ни рации, ни техники, ни яда в микродозах, ни даже одежды, пошитой в Ортленде...

В комнате сделалось очень тихо.

– Возможно, это провал разведчицы, – медленно проговорил Генрих. – Или даже диверсантки.

– И что она делала в автомастерской? – Эльза понимала, что нарывается, что сарказма в ее голосе больше, чем допустимо.

– Например, она встречалась с Фридрихом Найтом? – Генрих мягко улыбнулся. – С влиятельным чиновником, имеющим отношение к государственным компьютерным программам? Или руководила операцией по его устранению?

Его слова, при всей своей абсурдности, на секунду показались Эльзе кристально убедительными. Букашка-шпион... Но кукольное платье с оборками?! Но...

– Возможно, она была не одна, – Генрих смотрел на нее, прищурившись, и говорил с подчеркнутой кротостью, – а в составе группы. А где разведгруппы – там и диверсионные. Мелкие, незаметные. Вездесущие, с химическим и вирусным оружием...

«Но все же было так хорошо, – с отчаянием подумала Эльза. – Мир, дружба. Международное сотрудничество. Коллективная безопасность...»

– Они тоже нас боятся, – проговорила она упрямо, убеждая не только собеседников, но и себя. – Они боятся прямых контактов, физиологически. Для разведки им логичнее использовать технику. А диверсии... понимаете, это ведь серьезное обвинение. Если мы подозреваем Ортленд в диверсиях, мы должны иметь на руках кое-что повесомее, чем...

– Эльза! – Рука Тильды судорожно вцепилась в брошь. – Еще одно слово, и я поверю, что Лео Парсель тебя завербовал!

Эльза встала прежде, чем успела подумать. Ее тренированная выдержка лопнула, будто ниточка слюны, и вся кровь, сколько ее было, ударила в голову.

– Это оскорбление. Я офицер.

Тильда медленно разжала пальцы. Мельком глянула на ладонь – на коже остался след от острых граней броши. Положила руки на стол – лицо ее оставалось спокойным.

– Я приношу вам извинения, майор Бауэр.

Эльза постояла еще секунду, балансируя на грани своего гнева, потом молча опустилась на место. Генрих играл желваками, ни на кого не глядя.

– Тем не менее в интересах дела, – снова заговорила старуха, – хранить строгую секретность. Я считаю уместным, майор, чтобы вы подписали некий документ... Как вы на это смотрите, советник?

Генрих поглядел с сомнением, но снова ничего не сказал.

* * *

«Я, Эльза Бауэр, майор сыскной службы Министерства обороны Альтагоры, удостоверяю и клянусь, что ни при каких обстоятельствах не передам ни единому представителю Ортленда информацию, признанную секретной. Если я нарушу эту клятву, я буду лишена жизни и посчитаю это справедливым».

* * *

Родители Эльзы полагали семейные обеды священным делом, особенно когда Эрик, младший брат, приводил знакомиться свою очередную девушку.

Брат вовсе не был легкомысленным, он совершенно серьезно полагал, что пора ему завести семью, раз сестрица не торопится обрадовать родителей. И он всякий раз представлял гостью как свою невесту (хотя слово «невеста» произносить избегал, но давал понять, что все серьезно). Бывало, что назначалась и свадьба, но до обмена кольцами никогда не доходило: девушка куда-то испарялась, легко и без скандала, будто так и надо. А брат, насколько могла судить Эльза, вздыхал после этого с облегчением.

Нет, он не кривил душой, никого не обманывал и ориентации был самой что ни есть традиционной. Просто как-то так получалось – невесты к нему не шли, как, бывает, не идут козыри к неудачливому игроку. Эльза никогда не вмешивалась в его дела, а что она может посоветовать мужчине тридцати лет, преуспевающему бизнесмену?

Обедать сели ровно в два часа дня. Девушка Эрика, на этот раз совсем юная, оробела при виде обеденного сервиза и в особенности столового серебра – по семь предметов у каждой тарелки. Гостья не знала, в какой последовательности брать ножи и вилки, и в отчаянии заявила, что вовсе не голодна. К счастью, чувством юмора ее природа не обделила, и уже через несколько минут она весело жевала, отвечая на вопросы с набитым ртом.

И это, надо сказать, ее вовсе не портило. Наоборот, вызывало симпатию.

Эльзе казалось, она смотрит цветной фильм про чужую жизнь: как можно обедать, мило болтать, расспрашивать гостью о ее занятиях и вкусах, пока тело погибшей девушки из Ортленда лежит в морозильнике, помещенное в пластиковый футляр от очков, потому что подходящего контейнера у экспертов не нашлось. Эльза не должна об этом думать сейчас, это ведь семейный ужин. Да и что она, вот прямо сейчас, может изменить?!

Владелец автомастерской и его механик, подозреваемые в убийстве Фридриха Найта, были объявлены в розыск. Поиск по горячим следам результатов не дал.

Лео обещал позвонить сегодня, но не звонит. Передумал? Хорошо бы он уехал куда-нибудь на курорт и забыл о погибшем чиновнике, вообще забыл о существовании Альтагоры, тогда Эльзе не придется юлить, притворяться и врать...

– ...Эльза, ты слышишь? – Брат тронул ее за плечо. – Роза спрашивает, ты правда была в посольстве Ортленда, ты видела букашек и с ними говорила?

Девушка смотрела на Эльзу вроде бы на равных, но снизу вверх, с опасливым восхищением. Нет, она ничего дурного не имела в виду, ей было просто любопытно.

– Да. – Эльза положила на край тарелки тяжелую вилку. – Кстати, слово «букашка» считается оскорбительным.

– Но мы же в хорошем смысле, – пролепетала Роза, покраснела до кончиков ушей и посмотрела на Эрика в поисках поддержки.

– Не будь такой серьезной. – Брат закатил глаза, как любил делать, будучи подростком, чтобы позлить старшую сестру...

В соседней комнате приглушенно звякнул мессенджер. Эльза могла бы не отвечать на вызов. Больше того, было бы разумным и безопасным решением – не отвечать.

* * *

– Привет, Лео.

На этот раз он не стал включать камеру. Заставкой на его мессенджере служил пейзаж, большой зеленый город с высоты птичьего полета. Эльза невольно задержала взгляд – если это настоящая фотография, без корректуры, то градостроение у них ушло далеко в будущее. Хорошо бы погулять по улицам такого города... впрочем, это невозможно. Она в два шага там всех раздавит.

– Я не вовремя? – спросил он озабоченно.

Можно было согласиться – «прости, я не могу сейчас разговаривать». Следовало именно так и сделать и закруглить разговор.

– У меня гости, – сказала Эльза, все еще ни на что не решаясь.

– Удивительно, – по голосу было слышно, что он улыбается. – Я не знал, что ты любишь гостей.

– Не люблю. – Эльза убедилась, что дверь в комнате плотно закрыта. – Но я живу с родителями. А они до того хлебосольны, что у нас в ходу обеденный сервиз на двадцать четыре персоны...

– Извини, – сказал он с опасливым уважением. – Я перезвоню, когда скажешь.

– Нет. – Она уселась перед письменным столом, подвернув под себя правую ногу. – Не надо перезванивать, я ждала, когда ты объявишься. Включи камеру, Лео.

На экране появился яркий солнечный день – далеко-далеко отсюда. Лео сидел на краю бассейна, ноутбук, похоже, лежал у него на коленях, а за спиной плескались люди в струях причудливого фонтана. На Лео была ослепительно-белая рубашка, она оттеняла легкий весенний загар на щеках и ключицах. Мокрые волосы стояли дыбом, как иголки морского ежа.

– Здорово, – сказала Эльза. – Все там в одних трусах, только ты полностью одетый.

– Боюсь солнца. – Он доверительно улыбнулся. – Я же сгораю, как на гриле, стоит только потерять бдительность... Ну что, нашли автомастерскую? Взяли убийц?

– Нашли. – Эльза примерилась, как бы поестественнее соединить правду с ложью. – Спасибо, Лео, ты был прав. Дело закрыто. Большое спасибо.

Он мигнул на экране. Прищурился. Взгляд его сделался как ледяной скальпель. Нет, Эльзе не следовало отвечать на вызов в мессенджере. Еще не поздно сослаться на гостей и уйти.

– Лео, – сказала Эльза. – Ты не мог бы повертеть компьютером, в смысле, показать мне кусочек своего отпуска? Мне интересно, как там у вас все происходит.

– Да пожалуйста. – Его глаза, кажется, расслабились, взгляд потеплел. Эльза увидела на экране аквапарк под открытым небом, край бассейна с яркими зонтами, белые и красные цветы на клумбе, детей на мелководье с надувными игрушками. Обыкновенные дети, круглолицые, шкодливые, бойкие. Странно представить, что каждый из них в реальности – меньше мизинца...

...И что ради безопасности Альтагоры их всех, возможно, необходимо убить.

– Спасибо, – сказала Эльза. – Ничего, что мы используем твой замечательный закрытый канал для развлечения, по пустякам? Ваша прокуратура заплатит?

– Это не пустяки. – Он снова положил компьютер к себе на колени, его лицо появилось на экране крупным планом. – Это налаживание культурных связей... А что убийцы рассказали о мотиве? И зачем топить в аквариуме, что за экзотика, а?

Он смотрел на нее сквозь экран, как сквозь прозрачайшее стекло – сквозь огромное расстояние и чудовищную разницу в масштабе. Смотрел спокойно и доброжелательно, и Эльзе сделалось холодно в ее комнате – показалось, что Лео все знает, потому что умеет читать ее мысли.

– Понимаешь, – проговорила Эльза сквозь зубы, – я же не стану гонять по лесам и полям за двумя ублюдками, которые ушли в бега. Может быть, у вас, стоит объявить кого-то в розыск, и его сразу берут за жопу. У нас требуется время.

– То есть они в бегах, а дело закрыто? – Он вежливо удивился.

– Будет закрыто, – процедила Эльза. – В ближайшие дни. Но ты был прав насчет способа убийства, и я видела этот аквариум...

– Видела? – Он не то чтобы сомневался. Он читал ее недоговоренности, как ноты.

– А в чем проблема?! – Ей захотелось одним кликом прервать разговор.

– Что же вы там нашли, – пробормотал он себе под нос. – Что такое, что ты на себя не похожа... Убийство посла тебя не шокировало, против толпы погромщиков ты выходила в одиночку и даже не чихнула... Что случилось, Эльза?

Она не ответила.

– Ладно. – Он кивнул, не выказывая ни нетерпения, ни разочарования. – Я тут посматриваю международные новости. Все у нас в порядке, мир, дружба, сахарная вата... Так что там с финансами погибшего, с государственными грантами: он в самом деле перешел кому-то дорогу?

Из гостиной послышалась музыка – брат неплохо играл на пианино. Эльза подумала, что ее язык сейчас – как нож старинной гильотины, и одним словом она может отхватить себе голову...

«Буду лишена жизни и посчитаю это справедливым». Конечно, это всего лишь формула, форма, принятая в такого рода документах. С другой стороны, если начнется война... А призрак войны, едва отступив, опять замаячил...

Пауза затягивалась.

– А кто там у вас играет, что, живая музыка? – Он повернул голову на экране, будто прислушиваясь. – Слушай, ты сама ко мне обратилась, я не напрашивался. То, что вы нашли в мастерской, связано с Ортлендом?

Будь проклят день, когда ей захотелось привлечь к расследованию Лео Парселя.

– Ты только не волнуйся, – сказал он быстро, даже торопливо. – Я в отпуске. Никакой информации от меня ни прокуратура, ни другая официальная контора не получит. Я могу консультировать тебя сколько угодно, конфиденциально, как частное лицо.

– Это мой брат играет. – Она заставила себя улыбнуться. – Он закончил музыкалку, а я сбежала оттуда после первого класса... Он не профессионал, но чувствует музыку, и руки хорошо поставлены. Что скажешь, как специалист?

– Очень жаль, – пробормотал Лео, и непонятно, к чему относились его слова. – На самом деле я слабо разбираюсь в музыке, мне что марш, что вальс, лишь бы погромче играло... У тебя неприятности из-за меня?

– Нет. – Она изобразила удивление, как он мог вообще о таком подумать.

– Жаль, – повторил он с искренним сожалением. – Это потому, что они считают меня твоим партнером?

Эльза мотнула головой и придала лицу беспечное выражение.

– А ты, – спросил он тихо, – ты и правда считаешь меня партнером?

– Лео... – Эльза запнулась и помолчала. – Я давно хотела... мечтала с тобой работать.

Но ты на том берегу океана, а я на этом.

– Понятно, – сказал он со вздохом. – Будь осторожна. Желаю удачи.

И она поняла в этот момент, что он никогда ей больше не позвонит.

* * *

Брат с его девушкой засиделись допоздна, родители явно устали, но не подавали виду. Наконец Эльза громко зевнула, прикрывая рот, и Эрик вспомнил, что здесь ложатся рано.

– Чем ты расстроена? – спросила мама, едва за братом и его Розой закрылись двери. – С кем ты разговаривала, это по работе?

– Да так, – промямлила Эльза.

– Вы с ним поссорились? – Мама всплеснула руками. – Ну как же так, люди не должны говорить по видеосвязи, через бездушные железяки! Вы должны встретиться, лицом к лицу, и обсудить вашу жизнь и будущее, как нормальные люди! Вы обязательно помиритесь! Я же вижу – он тебе нужен...

Эльза сдержалась. Кровь, конечно, бросилась ей в лицо, и захотелось напомнить маме, что деточке уже тридцать два и советы по устройству личной жизни здесь не требуются. Но стыдно кричать на пожилого человека, который искренне желает тебе добра.

Уж лучше орать на Тильду, заместительницу министра.

* * *

Ночью Эльзе приснился зеленый город с высокими белыми зданиями, с каскадами бассейнов, в которых резвились дети. Они шли по городу, держась за руки, Лео рассказывал что-то необычайно интересное – о криминалистике, разумеется. Она видела свое отражение в его блестящих оживленных глазах. Иногда он начинал говорить цитатами из книги «Сто невозможных расследований», тогда Эльза мягко напоминала, что книга по большей части – вранье, что хоть журналист и написал ее на основе подлинных дел, но в остальном все перепутал и приукрасил. Лео смеялся и хвалил ее за наблюдательность; ей очень хотелось в этом сне, чтобы он ее побольше хвалил. Осознание того, что Лео идет рядом и он одного с ней роста, делало ее счастливой девчонкой, хотелось бегать и прыгать, смеяться без оглядки, чувствовать себя облаком, полным теплого воздуха и запаха ночных цветов. Так, совершенно счастливая, она

проснулась рано утром в своей постели и вспомнила, что Лео на другом берегу океана и что он больше не позвонит.

Она подтянула к себе компьютер, вопреки очевидности желая получить от него весточку. Открыла сообщения, пришедшие за ночь...

И подскочила, забыв о сне, лихорадочно протирая глаза.

* * *

Раненый был пристегнут наручниками к кровати, Эльза увидела в этом напрасную жестокость, бедняга все равно не смог бы встать. Его судьбу осложняла прежняя судимость – за разбой. Он вышел из тюрьмы несколько месяцев назад, вытащил счастливый билет – устроился на хорошую работу, механиком в автомастерскую. Почти сразу угодил, как кур в ощиц, в дело о двойном убийстве и оказал сопротивление при задержании. Сарказм в его голосе странно контрастировал со стеклянным неподвижным взглядом.

– Нет, мы не знали, что за тип, и встречу заранее не назначали. Зачем назначать? К нам судьба людей приводит... То есть как судьба... Дорога перед сервисом особенная, с любовью. Выбоины скрытые, гвозди, штуки разные. Подвески летят, шины дырявятся, все чиниться едут к нам... А это хозяин мой, то есть хозяин мастерской, его Витольдом зовут... звали... он эту дорогу сам устроил, поддерживал ее в уродстве, чтобы заработок не терять...

– Умный предприниматель, – пробормотала Эльза.

Хозяина мастерской застрелили при задержании. Эльза своими руками прибила бы косо-руких полицейских, если бы это помогло делу.

– Да, – согласился механик. – Так вот, у клиента этого, покойника в смысле... колесо пробило прямо перед нашими воротами. Витольд... хозяин... Он пригласил клиента в контору. Я туда не очень-то вхож... был, мое дело при мастерской, в гараже. А в конторе типа мебель, аквариум, чтобы люди видели – здесь серьезный бизнес... Правда, за аквариумом Витольд следил плохо, а приглашать профессионала – жмотился, скупой он был, да. Я-то был готов работать за еду... ничего мне не надо, все устраивало...

Ему физически трудно было говорить и в то же время хотелось наконец-то выговориться. Он торопливо проталкивал слова сквозь осипшее горло.

– ...Витольд всегда требовал от меня сервиса побольше, порадовать... клиента. Тот к тебе приехал с плоской шиной – ты ему поменяй колесо, потом еще масло поменяй, потом глянь, вдруг аккумулятор старый, поменяй и все в счет впиши. По цене машины смотри, если дорогая, то и ремонт подороже. И вот, открываю я капот, поднимаю крышку, слышу...

Механик запнулся, помолчал, его стеклянный взгляд впервые сфокусировался на Эльзе.

– ...Слышу – вроде крыса шевелится под капотом. Я изловчился, руку тряпками обмотал, схватил... а это не крыса.

Он закашлялся, поморщился от боли, зажмурил глаза.

– Невезучий я, с детства такой. И не хочу зла, а все выходит как-то... так. Увидел ее – очень перепугался. Она пищит у меня в ладони... Как баба, только очень маленькая. Я и кинул ее, ну, выронил от страха. Она упала на пол и отрубилась... сознание потеряла. Я опомнился, взял ее своей рукой – а она мягкая... живая... как-то жалко... Ну что делать, положил ее в пустую банку... жестяную...

Он обессилел, закрыл глаза, перевел дыхание.

– ...Никогда их не видел, только по телевизору. А на экране они почти не отличаются, если масштаба не видно. А когда не в телике, а вот так своими глазами посмотришь. – Он с трудом разлепил веки. – Жутко. Оно как человек, но такое маленькое... Я чуть не обосрался.

Он замолчал, и Эльза сжала зубы.

– И что вы сделали дальше?

– Я ее в банке на верстаке оставил, картонкой прикрыл, неплотно, так чтобы воздух был, – тихо выговорил механик. – Взял накладную и пошел в контору. Думаю, пусть клиент расплатится и уберется от греха подальше, а я потом Витольду... эту букашку покажу. Выхожу во двор, вижу, клиент говорит по телефону...

– По телефону?! – Эльза насторожилась.

– Телефон-автомат... сто лет им никто не пользовался, а тут, смотрю, он стоит с трубкой. Меня не заметил, спиной повернулся. И голос такой... нервный. «Я, – говорит, – уже к вам еду. Заплачу любые деньги, просто ее найдите». Потом как завизжит: «Я тогда пойду в полицию, я сам пойду! Сдамся и вас сдам с потрохами!» Я думаю – принесла же тебя нелегкая, убирайся скорее со своими проблемами... Он тут меня заметил и замолчал, трубку повесил. Я как ни в чем не бывало веду его в офис... Даю Витольду накладную, чего там я в машине сделал и чего поменял ему. Тот к клиенту с чеком да с улыбкой, а клиент, по ходу, после разговора не в себе. Посмотрел на чек и как завопит: «Заплачу только за колесо! Мошенники!» А я возьми да ляпни: «А если не заплатите, мы в полицию заявим, что у вас букашка из Ортленда». И тогда...

Механик снова замолчал, Эльза терпеливо ждала, пока он соберется с силами.

– ...Он как бешеный на меня накинулся, – ровным голосом сказал механик. – Стал орать: «Где?! Куда девал? Что с ней сделал?!» Уж на что я подражаться не дурак... но он меня молотил как грушу, чуть стулом на отоварил по башке. Помню урывками. Они сцепились с Витольдом... А тот мало что здоровый, как трактор, так еще психованный, контуженый на производстве. Убивать клиента он не хотел, конечно... Прибил слегка и окунул в аквариум, чтобы клиент поостыл. Но Витольд психанул. Перестарался. Когда вытащил клиента – тот уже не дышал. Попытались откачать – не вышло. А у нас обоих судимости, у меня за разбой, у Витольда две за грабеж. Или обоим садиться пожизненно, или попытаться как-то...

Механик неопределенно пошевелил рукой, закованной в наручник.

– Где в тот момент была... женщина из Ортленда? – спросила Эльза. – Что с ней потом случилось?

– Не знаю, – тихо признался механик. – Когда я вернулся в гараж, жестянка была пустая и лежала на боку. Букашка будто испарилась... А у нас и так беда, покойник на руках, машина его – вот, в мастерской, все улики против нас налицо. Осенило: залить ему полный бак и подстроить взрыв. Я же автомеханик, были кое-какие мыслишки, как все сделать. Если сторит, нас и спрашивать никто не будет. А спросят – ну, проколотое колесо ему заменили, больше ничего не знаем, а букашку вообще в глаза не видели...

Он вздохнул и продолжал после паузы:

– Но я же невезучий. Старались-старались... Не вышло, пустились в бега. Спрятались в лесу, как дикари, но патрули везде, камеры... А Витольд психованный, и ствол у него нелегальный. Был.

– Как девушка из жестяной банки переместилась в аквариум?! – Эльза сжала кулаки.

– Куда? – Стекланные глаза механика на секунду прояснились. – В аква... а как она могла туда попасть?!

* * *

С момента прошлого обыска сюда никто не входил – дверь гаража стояла запечатанной. Эльза, с мощным увеличительным стеклом в руке, с фонариком на лбу, склонилась над верстаком, стараясь лишний раз не дышать.

Жестяная банка валялась на боку. Эльза представила, как девушка в кукольном платье мечется внутри, бросается на стенки, пытается выбраться, расшатать, допрыгнуть до края. Если банка свалилась бы на пол – вероятно, девушка в ней и осталась бы, но ей повезло... поначалу. Вот крохотные пятна на деревянных волокнах верстака: она порезала ладони, выбираясь. Вот

подсохшая лужица – кажется, моча. Ей должно было быть очень страшно и противно здесь, учитывая, что механик хватал ее руками, а потом уронил на пол...

«Хорошо, что Лео этого не видит, – подумала Эльза. – Хорошо, что он никогда об этом не узнает».

Тень упала на пол гаража – в открытой двери показался младший следователь.

– Сняли отпечатки с телефонной трубки в автомате. Свежие – Фридриха Найта...

Эльза погасила налобный фонарь.

– Кому он звонил, установили?

Следователь пожал плечами:

– Очень старый... аппарат. Известно, что коммутатор городской, местный. Это все.

«Вот и будь тут гениальным сыщиком», – подумала Эльза, скрипя зубами от разочарования.

– Мы здесь закончили? – Следователь заискивающе улыбнулся.

– Нет, – сказала Эльза.

* * *

В побеге из запертого гаража девушка в кукольном платье показала чудеса мужества, ловкости и изобретательности. Кровь из ее порезанных ладоней оставляла микроскопические следы, и Эльзе пришлось провести несколько часов, ползая на коленях, поднимаясь на цыпочки, уткнувшись носом то в увеличительное стекло, то в дисплей микрокамеры. Все это время Эльза смотрела на мир глазами девушки из Ортленда.

Эта девушка была сильной, смелой и очень целеустремленной. Она заслуживала того, чтобы выжить; и еще она откуда-то отлично знала, как устроены инженерные коммуникации в домах Альтагоры. Ей удалось забраться по шнурку вентилятора, сдвинуть решетку и пробраться в лабиринт невидимых труб, ходов и коллекторов. Она могла утонуть в водостоке, заблудиться в коммуникациях, она могла встретить там крысу и погибнуть страшной смертью, – но Эльза знала, что девушка не сгинула в вентиляции. Ее ждала другая судьба.

Во дворе под забором стояла стремянка. Ничего не спрашивая и ничего не объясняя, Эльза притащила лестницу в комнату с аквариумом, взобралась наверх и, балансируя, включила налобный фонарик.

Вентиляционная решетка висела на двух шурупах. Снизу казалось, что она плотно прилегает, но если слегка потянуть, решетка поворачивалась, будто крышка мышеловки. На желтоватом пластике отлично видна была кровь, Эльзе показалось, что она различает отпечатки крохотных рук...

Она представила, как девушка-беглянка, проблуждав в тоннелях несколько часов и почти выбравшись, оказывается в вентиляционной трубе под потолком офиса. Как наступает изнутри на эту решетку и катится вниз, цепляясь за пластиковые ячейки. Как повисает над бездной. Как разжимаются пальцы...

Эльза, вытащив отвертку, выкрутила из креплений оставшиеся два шурупа. Рукой в перчатке передала решетку следователю. Тот, кажется, не понял.

Эльза подошла к аквариуму. Давно не чищенные стенки были покрыты изнутри ровным зеленым налетом. Нет, девушка, свалившись с потолка, не пыталась выбраться из ловушки. Она потеряла сознание от удара о воду. Хотя бы в этом ей повезло.

* * *

В семь утра, ни секундой позже, Эльза всегда прыгала с бортика в бассейн. За исключением таких дней, как сегодня, когда она явилась в спорткомплекс к полудню, на чужое время.

Ей нужно было обдумать все, что случилось, а лучшего места, чем бассейн, она для этого не знала.

Несясь по третьей скоростной дорожке, глядя сквозь очки на дно, где указывала ей путь полоска темного кафеля, Эльза на секунду представила себя в мутном аквариуме и чуть не захлебнулась. Богатая фантазия полезна при ее профессии, но не настолько же натуралистичная.

* * *

- Мне нужна схема инженерных коммуникаций в гараже Фридриха Найта.
- Да, майор... Но время уже к обеду...
- Немедленно!

* * *

С распечатанной схемой в руке она стояла посреди гаража, где на бетонном полу еще виднелись отпечатки протекторов, – здесь стояла машина Фридриха Найта, когда погибшая девушка из Ортленда забралась к нему под капот.

Как много потайных ходов кругом, а люди и не замечают. Вентиляция, коллекторы со жгутами проводов, канализационные стоки, ливневки, навесные потолки...

– Во время обыска в квартире Найта вы простукивали стены?

– Да, – уверенно ответил следователь.

– А здесь? – Ведя пальцем по схеме вентиляции, Эльза вошла в спальню погибшего чиновника. Открыла дверцу платяного шкафа. Сдвинула в сторону костюмы на вешалках. Задней стенки у шкафа не было.

– Э-э, – неуверенно промямлил следователь.

Эльза стукнула кончиками пальцев – раз, другой. Снова включила налобный фонарик. Вытащила из кармана отвертку, поддела панель...

– Твою мать, – потрясенно сказал следователь у нее за спиной.

* * *

– Господа, мы настолько в дерьме, что лучше в самом деле сейчас убить их посла. Чтобы отвлечь внимание.

– Не смейте так шутить, майор, – процедила Тильда.

На столе посреди кабинета стоял кукольный домик: деревянный каркас, платяной шкаф, полный игрушечной одежды, кровать с постелью. Кукольная посуда с засохшими остатками еды. Ночной горшок, накрытый крышкой.

Следы рвоты на игрушечной лесенке. Следы крови на кукольной простыне.

– Она, – сказала Эльза, – была храброй... девушкой, но теперь я понимаю, что ей просто... некуда было деваться. Она расковыряла вентиляционную решетку, думаю, трудилась не один день, как беглец из тюрьмы. По вентиляционному ходу пробралась в гараж, в этот момент вернулся Фридрих Найт. Она ухитрилась спрятаться, не попасть под колеса машины и не попасться ему на глаза. Но гараж закрылся, бежать ей сделалось некуда, а Найт вот-вот должен был обнаружить пропажу. Тогда она залезла под капот – это был единственный способ вернуть свободу. Она прекрасно сознавала, что делает.

– Откуда вы знаете, майор, что она сознавала? – Тильда прищурила маленькие воспаленные глаза. – Вы забрались к ней в голову?

– Я всегда пытаюсь представить себя на месте других... людей, – сказала Эльза. – А вы нет?

– Вы полезли бы под капот гигантской машины?!

– Да. – Эльза не отводила взгляд. – Если бы перед этим меня похитили и держали в кукольном доме. Она была, может быть, в шаге от свободы, но Фридрих Найт проколол колесо на дороге и заехал в автомастерскую, и механик открыл капот, и...

Эльза замолчала, не договорив. Генрих сидел, прикрыв рукой подбородок, уставившись перед собой невидящими глазами.

– И кто ее похитил? – мягко спросила Тильда. – Кто из наших мог полететь в Ортленд и там, совсем-совсем незамеченный, похитить девушку против ее воли?!

– Господа, – сказала Эльза. – Нам некуда деваться. Дайте мне полномочия, я свяжусь с... он будет молчать, я возьму с него обещание.

– Не смейте! – отрезала Тильда.

– Мы не можем элементарно установить ее личность! – Эльза повысила голос. – А у Лео есть доступ к базам! Когда я представляю, что пережила эта девушка... – Эльзе пришлось на секунду прерваться, у нее перехватило горло. – Она так боролась. Она почти вырвалась. И... где-то за океаном есть ее родные, они, может быть, еще надеются вернуть ее...

Генрих посмотрел на Эльзу, ей показалось, что он колеблется, и она воспрянула духом.

– Знаете, по-своему справедливо, что Фридрих Найт утонул в том же аквариуме, – сказала она искренне. – Если бы я могла... я бы еще раз его утопила.

– И как вы объясните вашему... партнеру, – наконец подал голос Генрих, – зачем чиновник министерства, глава департамента, держал в шкафу девушку из Ортленда?

Эльза секунду подумала, говорить или нет, и все-таки не удержалась:

– А вы в детстве никогда не мечтали... о живой игрушке?

* * *

– Я не смогу вам помочь, майор, – сказал психолог, – если вы не посвятите меня конкретно в курс дела.

– Я не могу. – Эльза вздохнула. – На деле гриф «Совершенно секретно»... К сожалению, господин Найт был причастен к некому преступлению, и это послужило косвенной причиной его гибели. Скажите: в последние несколько месяцев господин Найт не упоминал кого-то, кто живет в его доме?

– Кого-то? – Психолог недоуменно сдвинул брови. – Он жил один... с ним не было женщины, насколько я знаю, я бы заметил, я ведь профессионал...

– Как профессионал, скажите: он был садистом?

– Нет, – быстро проговорил психолог. – У него было множество сложностей... шлейф детских травм, обид... непростой характер... Но садистом он точно не был.

– Спасибо, – сказала Эльза.

* * *

– Ты выглядишь усталой. – Мама разливала чай. – Эрик звонил, кстати, они назначили дату помолвки! Эльза, ты слышишь?

– Помолвка – странный обычай. – Эльза не поднимала глаза от тарелки, рисовала вилок узоры в затейливом красном соусе. – Пусть бы назначили дату свадьбы.

– Но Эрик не торопыга, – сказала мама с сомнением. – Все должно быть в свое время, сперва семена, потом рассада, потом цветы и только тогда... Эльза, что случилось? Ты помирилась со своим... как его зовут, кстати?

– Лео.

– Хорошее имя. – Мама с готовностью закивала. – Ты после ссоры встречалась с ним?

– Мы не ссорились, – сказала Эльза. – И я с ним больше никогда не встречусь.

– Деточка. – Мама растерялась всего на несколько секунд. – У всех бывают такие минуты.

Прежде чем выйти замуж за твоего отца, я прощалась с ним навеки четыре раза!

Эльза грустно улыбнулась.

Убийство Фридриха Найта раскрыто. Следствие окончено. Эльзу, может быть, даже поощрят.

Безымянная девушка из кукольного дома так и сгинет – все, кто видел ее, либо мертвы, либо находятся под строжайшей подпиской о неразглашении. У Ортленда нет претензий, потому что нет информации.

«Но кому-то он звонил?! – кричала Эльза там, в кабинете. – Фридрих Найт кому-то звонил и грозил разоблачением! Они здесь, сейчас, среди нас, вы хотите замести мусор под ковер?!»

«Мы знаем о его звонке только со слов механика, – невозмутимо отвечала Тильда. – А это ненадежный свидетель. И вот еще, разрешите вам напомнить...»

Она вытащила из ящика стола и положила перед Эльзой ее собственную расписку: «Я, Эльза Бауэр, майор сыскной службы Министерства обороны Альтагоры, удостоверяю и клянусь...»

В эту минуту Эльза впервые в жизни подумала, что, может быть, есть занятия и за пределами сыска. Что можно работать официанткой в кафе и чувствовать себя никак не хуже...

Мама терпеливо ждала, сидя напротив, помешивая чай в тонкой фарфоровой чашке.

– Я больше никогда не встречусь с Лео, – повторила Эльза, зная, что огорчает ее, но не в силах удержаться. – Я его очень...

Она запнулась. Мама ждала.

– ...Уважаю, как коллегу, – сказала Эльза. – Но между нами неразрешимые противоречия.

* * *

Срочный вызов разбудил ее во втором часу ночи – когда только-только удалось задремать. Служба в армии оставила по себе неубиваемые рефлексy – через три минуты, полностью одетая, она выходила из дома. Родители, к счастью, даже не проснулись.

Черная машина доставила ее в центр города, где каменные здания государственных контор стояли вдоль каменных улиц, и ни единая травинка не смела пробиться сквозь толщу булыжника. Эльза вспомнила свой сон и заставку на компьютере Лео – зеленый город с высоты птичьего полета. Архитекторы правительственного квартала считали, что место деревьям – в лесу, а в городе место серым и сизым фасадам...

Эльза прогнала неуместные мысли. Ей не стоило отвлекаться в этот момент, особенно на несбыточные фантазии.

Посреди знакомого кабинета опять стоял микроскоп, и на цинковом подносе лежало нечто, накрытое бумажной салфеткой.

– Тяжелое зрелище, – предупредил эксперт, убирая покров.

Эльза глянула – и сразу отвела глаза:

– Кто мог... кто способен... кто это сделал?!

– Увечья... в основном... не прижизненные, – быстро сказал эксперт. – Погибший был ослаблен и истощен. Он уже умирал, когда до него добралась кошка.

– Кошка?! – Эльза содрогнулась. Ей привиделась серая полосатая морда в полтора человеческих роста, горящие глаза и клыки размером с руку.

– Собственно, кошка его и принесла. – Тильда сидела у стола, тяжело сгорбившись, утопив на груди двойной подбородок. – Как они приносят мышей... таковы инстинкты. Хозяйева давным-давно навесили кошке колокольчик, чтобы уберечь от нее птиц, это ответственные люди. Они немедленно вызвали полицию...

– То есть еще и полицейские – свидетели, – сказала Эльза.

– Со всех взяли подписку. – Тильда нахмурилась. – Все будут молчать, и хозяйева тоже...

Все напуганы.

Она подумала и добавила с тяжелым вздохом:

– Кошка не пострадала, с животного какой спрос...

– Он должен был издали услышать колокольчик, – сказала Эльза.

– И что сделать? – Эксперт ухмыльнулся. – Говорю вам, он был ослаблен, страдал от интоксикации...

– Его отравили?! – Эльза заставила себя снова посмотреть на тело.

– Мы не настолько знакомы с физиологией букашек, чтобы говорить наверняка, – сказал эксперт с ноткой высокомерия.

– Результаты анализов! – Эльза подтянула к себе компьютер. – Сейчас же, мне, на служебный адрес!

– Вы что-то в этом понимаете, майор? – усомнился эксперт. – Может быть, мы не будем тратить...

Он не мог бы выбрать лучшего времени, чтобы заподозрить Эльзу в некомпетентности. У нее такая тяжесть лежала на душе, что вспышка ярости пришла как спасение; она вспомнила стажировку в припортовом участке и выдала тираду, сделавшую бы честь любому боцману в подпитии.

Тильда не дрогнула лицом – похоже, она все еще думала о репутации кошки. Генрих поморщился, но опять ничего не сказал. Эксперт, без дополнительных комментариев, сбросил Эльзе пакет информации, и следующие несколько минут в кабинете стояла нетерпеливая, нервная тишина.

– Дальше, – сухо сказала Эльза, подняв взгляд от экрана. – Что он имел при себе? Одежда, средства связи? Бижутерия, опознавательные знаки, документы?

– А вот тут интересно. – Эксперт открыл пластиковый контейнер. – Только, прежде чем изучать, наденьте перчатки и возьмите пинцет...

– Поучите меня подтираться! – рявкнула Эльза.

Эксперт замолчал, теперь уже надолго.

Эльза отрегулировала свет на предметном столе, склонилась над микроскопом, покрутила колесико, настраивая резкость... «Ты потрясающе видишь детали», – сказал когда-то Лео Парсель.

Кажется, сто лет назад.

* * *

Одежда и даже белье сшиты будто на куклу, но это не фабричная игрушечная одежда. Тонкая ручная работа, шелковая нить, шов не профессиональный, но очень старательный.

Больше всего поражала обувь, полотняная с кожаной подошвой. Настоящее произведение искусства. В этих легких туфлях беглец бродил несколько суток – кругами, по лесопарковой зоне, которая казалась ему джунглями. Песок был для него гравием, камни – высокими скалами, влажный газон – болотом. Масштаб играл против беглеца, он никого не мог позвать на помощь, его писк привлек бы не спасителей, а хищников... Как в результате и произошло.

Он мог бы обратить на себя внимание – выйти к жилым домам, выбраться на пешеходную дорожку, послать солнечный зайчик осколком стекла или помахать ярким фантиком, выпав-

шим из урны. Но он не хотел внимания, он бежал от него. Он боялся жителей Альтагоры и считал их врагами.

Каждый шаг по чужой земле оставлял отметку на его подошвах. Каждое падение под порывом ветра или на крутом склоне пятнало светлую ткань его костюма. Капля древесной смолы, на которую беглецу не посчастливилось наступить, едва не стала смертельной ловушкой. Над ним кружили насекомые, способные оглушить его ударом крыла, и птицы, в том числе хищные. По тем же тропам ходили муравьи, в масштабе – размером с большую крысу.

Он долго держался. Но, как и девушка из аквариума, все равно не нашел спасения.

Прижавшись к окулярам микроскопа, рискуя получить синяки вокруг глаз, Эльза по мельчайшим деталям читала судьбу: ярко-красная песчинка, приставшая к штанине, сама по себе ничего не значит, но в сочетании с фрагментами хвои дает совершенно определенную локацию. Пятно мазута. Характерные царапины на подошвах туфель – он бежал по бетонному покрытию, видимо, пересекал трассу, причем не где-нибудь, а на участке после ремонта, со свежей дорожной разметкой. Он грелся ночами, заворачиваясь в листья – вот приставшие к ткани сухие волокна. Он нашел гриб, показавшийся ему съедобным, и отравился – вот пятна рвоты и желчи. С тех пор он ничего не ел и ослабел от голода.

«Если в Ортленде узнают подробности, – подумала Эльза, – они нам не простят».

И еще ее мучила одна деталь – у кошки, настигнувшей беглеца, был колокольчик на шее.

* * *

– Вам заказная посылка, распишитесь о получении, пожалуйста...

Эльза терпеть не могла провокации на работе, но вероятность того, что они избавятся от улики, была слишком высока. Впрочем, они заранее могли все уничтожить – когда обнаружили, что игрушка сбежала.

– Одну минуту, я позову хозяйку... Ой, что вы делаете?!

Респектабельный дом в хорошем пригородном районе, неподалеку от реликтовой хвойной рощи. Лесополоса отделяет дом от скоростной трассы. Мелкий красный песок на дорожках. На автономной электростанции два дня назад случилась утечка мазута, но ремонтники справились за несколько часов.

– Вы полиция? Как вы можете вот так врывать?!

Владелица дома – в прошлом оперная дива, впрочем, дом ей достался от покойного мужа. Перепуганная девушка в синем халатике – вероятно, помощница по хозяйству.

– Вот ордер. Сохраняйте спокойствие.

Хозяйка уже стояла в проеме гостиной. По ее лицу Эльза поняла сразу, что здесь будет чистосердечное признание, и даже для виду никто не станет отпираться.

* * *

– Я не могу понять... У него все было, ему все нравилось, он был такой ласковый...

Ее домашнее платье было сшито как на сцену – плечи с пуфами, зауженный рукав, ряд перламутровых пуговиц. Стоячий воротник поддерживал белую пухлую шею. Отставная певица сидела у края стола, привычно не замечая вспышек камеры: эксперт фотографировал улики, рядами выставленные на столешнице.

Шелковая постель, чуть больше ладони, под балдахином, сшитым вручную. Фарфоровая посуда, тарелки размером с ноготь. Маленькая ванна за ширмой. Набор увеличительных стекол – чтобы наблюдать за купанием?!

– Ему все нравилось, – твердила женщина как заведенная. – Он никуда не хотел уходить. Полтора месяца он со мной, полтора месяца был счастлив...

...Гамак из тончайшей марли. Миниатюрный пруд с фонтаном, с берегами из глины и кварца. Шезлонг, устроенный из проволоки и носового платка. Зеркало из пудреницы, превращенное в трюмо. Чем дальше Эльза смотрела на все эти свидетельства заботы, тем сильнее ее тошнило, и она боялась, что не сдержится.

Медицинский стетоскоп казался чужеродным предметом в этом наборе... если не знать, как тихо и тонко звучат голоса людей из Ортленда.

– Вы понимаете, в чем вас обвиняют? – Эльза вытерла холодный пот со лба.

– Нет, – сказала певица и моргнула. – То есть...

– Вы удерживали человека против его воли. Вы участвовали в торговле людьми. Вы ведь его купили?

Два месяца назад, вступив в наследство после мужа, певица в одночасье продала пакет ценных бумаг и совершила крупный платеж – по документам выходило, что на благотворительность. Но документы оказались фальшивыми.

– Я не купила. – Она смотрела перед собой помутившимися глазами. – Я сделала взнос. Мне позвонили из благотворительного фонда, объяснили ситуацию...

– Что объяснили?!

– Что ему нужен дом, что кто-то должен о нем заботиться... Любить...

Эльза мысленно сосчитала до десяти и потом в обратном порядке. Ее собеседница не была сумасшедшей, во всяком случае не в медицинском смысле слова. Она «витала в облаках», выстраивая картину мира по своему усмотрению.

– И вы поверили анонимному звонку?

– Я всегда распознаю мошенников. – В голосе певицы скользнула металлическая нотка. – Это не был анонимный звонок, я же говорю, что звонили из фонда «Жизнь в ладони»...

Ни фонда с таким названием, ни номера телефона, записанного певицей в бумажной записной книжке, никогда не существовало в природе.

– Как он попал к вам в дом? – Эльза не сдавалась. – Почта, курьер?

– Мне оставили корзину на крыльце. – Певица покачнулась на месте как тяжелый маятник. – И он там спал внутри на шелковой подушке. Будто в легендах, знаете. Когда подбрасывают детей.

– Он не ребенок... Вы знаете его имя?

– Я зову его Макс.

– По документам – как было его имя?!

– Его привезли... без документов. «Макс» было вышито на шелковой подушке.

– Он никогда не говорил, что хочет связаться с посольством, хочет вернуться на родину?

– Он... что-то такое пищал поначалу, но он тогда был не вполне здоров. Сонный, плохо соображал. Потом успокоился, пришел в себя, привык. Ему нравилось... Я пела для него.

– Вы... что?!

У кошки был колокольчик на шее, но человек из Ортленда не мог услышать его. Он оглох, потерял слух в доме певицы; Эльза сжала кулаки, начиная отсчет от ста – в обратном порядке. Она должна держать себя в руках. Слишком многое сейчас решается.

– Я ему пела лучшие арии, – сказала певица, и ее взгляд сладко затуманился. – Только для него...

– Вы не видели, что ему плохо, что он затыкает уши, теряет сознание?

Певица взглянула так, будто Эльза говорила по-птичьи.

– Вы что, вообще на него не смотрели во время... «концерта»?!

Певица мигнула, будто очнувшись. Вдруг прояснившимися глазами посмотрела на Эльзу:

– Где он сейчас? Вы сказали, «было его имя»? Где он сейчас?!

* * *

До официальной помолвки оставалось две недели, но мама на радостях собрала вечеринку в честь будущей невестки. Сервиза на двадцать четыре персоны оказалось мало, пришлось распечатывать еще один, до сих пор хранившийся в коробке на чердаке. Эльза провела с гостями двадцать минут, выпила бокал шампанского и, сославшись на срочный вызов, ушла из дома.

Она не могла смотреть на них. На веселых товарищей брата, постарше и помоложе. На соседей, которых знала с детства. Друзей ее родителей, людей уважаемых, степенных, семейных. Она не могла отделаться от мысли, что каждый из них мог втайне заплатить... и получить в корзине «посылку». А вместе с ней власть, абсолютную, сладкую.

Эльза брела, не разбирая дороги, и только в часе ходьбы от дома обнаружила, что забыла переобуться и ушла на «срочный вызов» в узких модельных туфлях. Не раздумывая, она разулась, стащила с ног тонкие праздничные чулки и пошла дальше босиком, и каждый камушек, впиваясь в пятку, заставлял ее морщиться – и мрачно ухмыляться. Физическая боль притупляет душевную.

Тот, беглец в тряпичных ботинках, тоже под конец путешествия был почти бос – кожаные подошвы треснули, и только прочные частые швы не давали подметкам совсем отвалиться. Прохожие поглядывали на Эльзу с удивлением, она не отводила взгляда, пытаясь понять: а этот респектабельный домовладелец, что закатывает сейчас машину в свой гараж, способен купить живую игрушку? А тот юный студент, что ждет автобуса на остановке... у него, понятно, нет денег, но если бы?

«Я не могу об этом не думать, – сказала себе Эльза. – Я себя возненавижу, но я же не страус – прятать голову в песок. Если бы я могла заказать Лео, будто куклу. И его привезли мне, в полное распоряжение. И никто бы не знал, что он у меня есть. Нашлись бы у меня силы отказаться?»

Я ведь желаю ему только добра. Я никогда бы его не обидела. Хранила бы от сквозняков и громких звуков... он всегда был бы рядом, руку протяни, я могла бы держать его на ладони... чувствовать его тяжесть, тепло его тела...»

Она остановилась. Сильно хлопнула рукой по лбу – и поклялась никогда, никогда не мечтать больше на эту тему.

* * *

– Господа, закончено расследование по финансовым операциям Фридриха Найта. Огромная сумма, которую пять месяцев назад получил от государства его Фонд развития аналоговых компьютеров, испарилась со счетов. Теперь мы знаем, как именно были потрачены эти средства...

На этот раз они совещались расширенным составом – пятнадцать человек за столом, чины Министерства обороны, сыскари и дипломаты. Эльза стояла, упиравшись в стол вытянутыми пальцами обеих рук, запрещая себе жестикулировать.

– ...Деньги, уплаченные Найтом за пленницу, были сразу же конвертированы в криптовалюту, и мы потеряли след «продавца». То же самое с другой «покупательницей», ныне взятой под стражу. Осознайте, пожалуйста, с чем мы имеем дело – это сеть. Налаженный бизнес.

Эльза на секунду замолчала. Обвела взглядом обращенные к ней лица. Отогнала мысль: «А кто из этих мог бы заказать себе подарочную корзину?»

– Расследование в тупике, господа. Секретность мешает следственным действиям... но самое плохое – наша тайна трещит по швам. Чем дольше мы расследуем, тем больше людей

вовлечено, тем больше подписок о неразглашении, а языки чешутся, и слухи уже ползут. Орленд в любой момент может обвинить нас в нарушении стратегических договоренностей, в преступлении против гуманизма, и мы не сумеем оправдаться...

Многим не понравились ее слова. Возможно, она в самом деле перегибала палку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.